

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

ОДНОВА ЖИВЁМ

ПОВЕСТЬ

— Вам кого?

Григорий Пряхин поискал глазами владелицу этого сухого, требовательного, казалось, совсем не женского голоса, и с удивлением увидел в дверном проёме, который соединял приёмную с кухней, невысокую девушку. На ней были тёмно-синие облегающие брюки и голубая с погончиками рубашка. Чем-то внешний вид девушки напомнил ему стюардессу.

— Мне Арсения Петровича, — ответил Григорий.

— Он занят. Вы по какому вопросу?

Голос был всё тем же — сухим и казённым. Должно быть, он явился не вовремя.

— Я подожду, — сказал Григорий, присаживаясь на кожаный диван и осматривая офис. В углу, прямо у окна, стоял солидный, цветом под орех, крепкий итальянский стол, на нём — импортный набор канцелярских принадлежностей, а чуть сбоку он увидел на столе бронзовую фигурку бегущего медведя и, уже не сдерживаясь, улыбнулся, столкнувшись взглядом с ещё одним, который с большой фотографии на стене, подняв лапу, казалось, приветствовал посетителей.

Прямо над ним висел портрет Дмитрия Медведева, чуть выше — портрет Владимира Путина в лётном шлемофоне с именным автографом, а под ними — фотография актёра Леонида Быкова, переснятая из кинофильма “В бой идут одни старики”.

ХАЙРЮЗОВ Валерий Николаевич родился в 1944 году в г. Иркутске. Окончил Бугурусланское лётное училище. Летал командиром корабля, пилотом-инструктором. В 1981 году окончил Иркутский государственный университет. Автор нескольких книг. Лауреат премии Ленинского комсомола. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

“Хорошая компания”, — подумал Пряхин, на секунду пожалев, что, собираясь сюда, не надел лётную форму, дабы не портить сложившийся в этом офисе пейзаж.

Пряхин мог бы тоже кое-что вспомнить из жизни медведей и рассказать секретарше, но у памяти был свой порядок, почему-то перед глазами встал день, когда он впервые в жизни пришёл устраиваться на работу.

После окончания училища он прибыл в авиационный отряд и первым делом зашёл в отдел кадров. Пожилая секретарша приняла документы и позвонила в общежитие, чтобы там разместили вновь прибывшего пилота. В общежитии хмурый и малоразговорчивый технар, которых в авиации называют “слонами”, кивнул на свободную кровать.

— Занимай, будет твоя. — И, помолчав, добавил: — На ней Кешка Сенотрусов спал, позавчера схоронили. Разбились в горах. Врюхались в облако и оказались на склоне. Никто не выжил.

“Ничего себе, оптимистическое начало!” — подумал Пряхин, рассматривая свернутый в рулон матрац. Постояв посреди комнаты, он придвинул к стене чемодан, развернул матрац. Сестра-хозяйка принесла постельное бельё, и Григорий начал застилать кровать. “Где что-то кончается, там что-то и начинается”, — успокаивая себя, подумал он.

А потом пошла работа, сегодня ночуешь здесь, завтра — в другом месте. Бывало, что приходилось коротать ночь прямо в вертолёте, и было неизвестно, какая кровать ждёт тебя в следующий раз. По работе была и зарплата — не обижали. Как иногда сами вертолётчики подшучивали, большой винт считает рубли, маленький — копейки; пошли срочные задания, посадки на буровые, полёты с геологами в тайгу.

В начале девяностых годов появились проблемы, о которых Пряхину не хотелось вспоминать. Распалась страна, а за нею начала разваливаться авиация. Авиакомпания, в которой он летал, была объявлена банкротом, лётчики подались, кто куда: одни — сторожами в гаражи, другие, половчее и посообразительнее, с объемными пропиленовыми сумками, которые сами же называли “мечтой оккупанта”, мотались челноками в Китай.

Пряхин улетел на Камчатку. Туда капитализм добрался не сразу, а с некоторым опозданием, и вертолётчики, из-за отсутствия дорог, были все ещё востребованы. Он начал выполнять заявки, обслуживая зарубежных туристов и ВИП-персон. Однажды поступила заявка от богатого англичанина: тому захотелось иметь в своей коллекции медвежью голову. Медведя подняли в заболоченной низине, он, почуввав опасность, начал убегать от вертолёта со скоростью курьерского поезда. Следуя за медведем, Пряхин засёк скорость вертолёта: стрелка на приборе показывала больше шестидесяти километров в час. Но куда убежишь от железной машины? К тому же медведь не стайер. Догнали, зависли над мишкой. Он заскочил в какую-то болотную лужу и совсем по-детски прикрыл голову лапами. Англичанин через открытую дверь кабины всадил заряд из карабина в спину и перебил мишке позвоночник. Тот присел на зад, уже не в силах сдвинуться с места. Даже сквозь шум работающего двигателя было слышно, как он ревёт, жалуясь на боль, пытаясь лапой закрыть рану. Сквозь пробитую шкуру у него вывалился наружу спинной мозг. Следующим выстрелом англичанин добил зверя. Григорий приземлил вертолёт рядом с лежащим мишкой, и охотники, из числа местных, быстро загрузили тушу в вертолёт.

— I would love to hunt a moose, — блеснув ослепительно белыми ровными зубами, с азартом крикнул англичанин, но, натолкнувшись на хмурые глаза Пряхина, уже на ломаном русском пояснил:

— Мне обещали стрелять лося.

— Лосей здесь нет! — резко ответил Пряхин и, посчитав, что заявка выполнена, полетел на базу.

Сдав вертолет, он на другой день рассчитался с авиакомпанией и улетел домой. Убийство зверя, которого эвенки считают лесным человеком, стало для Пряхина навязчивым видением. Где-то в душе он считал, что ему обязательно воздастся за этого мишку, только не знал, когда.

А вскоре он и вовсе забыл про камчатскую охоту. Жизнь дала резкий отворот, и он очутился за границей, но не в Китае, а в Непале. Там для

работы в горах нужны были опытные вертолётчики. Отбор был жёстким, требовались специалисты, имеющие все допуски: полеты днём, ночью, в сложных условиях, с подбором площадок, работа с подвеской в горной местности на высоте до шести тысяч метров. Все это у Пряхина было.

И вот он уже сидел в кабине вертолёта, обслуживая горноспасателей, а также восходителей со всего земного шара, которые стремились покорить заснеженные гималайские вершины. По узким горным тропам шерпы переносили на своих плечах для альпинистов по тридцать килограммов груза. Буйволы — по шестьдесят. Пряхин на вертолёте доставлял сразу четыре тонны.

В Непале работали вертолётчики из многих стран, но Григория за мастерство и умение находить нестандартные решения зарубежные альпинисты прозвали летающим медведем. Заказчиков на мякине не проведёшь, кто может, тот делает свою работу. И Пряхин её делал, аккуратно и филигранно, где надо — смело, а где и с особой осторожностью. Иногда приходилось сажать винтокрылую машину на такие горные террасы, где и буйволу, казалось бы, не развернуться. Во время полётов Григорию доводилось видеть гималайских медведей, но в Непале охота на них была строжайше запрещена. Он знал, что в России в девяносто восьмом году запрет на отстрел был снят вообще. В свое время Горбачев произнёс вроде бы безобидную, на первый взгляд, фразу, мол, “я даю вам волю, что не запрещено, то разрешено”. Для многих это стало сигналом: живём-то мы здесь и сейчас, а что будет завтра, об этом будем думать завтра. А пока, как гласит буддийская мудрость, “однова живём”.

За границей Пряхин проработал около года, позже, вспоминая то время, он признавался, что не раз его жизнь висела на волоске. Но судьба неизвестно для чего хранила его. Отработав положенный срок, он вернулся домой. Однако в той России, куда он приехал, авиацией теперь уже распоряжались неизвестно откуда возникшие прохвосты. Другого слова он подобрать не мог. Например, той авиакомпанией, которая отправляла его работать в Непал, управлял милиционер. Он-то и довёл её до банкротства и благополучно растворился среди таких же проходимцев.

Неприятности имеют свойство накапливаться и притягивать к себе новые. Пряхин в это поверил, когда к нему в дом пришла настоящая беда. Жена, его любимая Женька, которая все эти годы терпеливо ждала его после полётов, деля все горести и радости совместной жизни, получила неожиданный удар. С нею случился инсульт, и она потеряла возможность не только говорить, но и передвигаться на собственных ногах. Пряхин перевёз жену в Москву, снял квартиру и начал показывать её московским докторам, покупал самые дорогие импортные лекарства, но все его усилия оказались напрасными. Врачи разводили руками. Приговор был неутешительным: до конца дней она была обречена на неподвижность. Пряхин понимал, болезнь связана не только женой, но и его. Какие тут могут быть полёты и командировки? Семь лет он, как мог, ухаживал за женой. Носил в ванну, мыл, стирал белье, кормил из ложечки.

Она ушла тихо и спокойно, однажды уснула и не проснулась.

Оставшись один, Пряхин вновь попытался поискать работу. Ему говорили, что рабочих мест, где он мог бы применить свои лётные навыки, нет и не предвидится. Но однажды из Нукутска позвонил бортмеханик Цырен Цыренович Торонов и сказал, что назначенный из Москвы губернатор подыскивает опытного пилота. Пряхин решил попытать счастья, авось повезёт. Он взял билет и полетел в Сибирь. На этот раз ему не повезло. Губернатору порекомендовали взять другого, уволенного из армии вертолётчика. Не солоно хлебавши, Пряхин вернулся в Москву.

Встал вопрос: что делать дальше? Ещё в то время, когда он был привязан к больной жене, Григорий начал писать воспоминания о своей лётной жизни. Некоторые записи он переделывал в сценарии, надеясь, что по ним можно будет снимать фильмы. Сценарии печатали в газетах и журналах, но предложений снять фильм не было. И вот всё решила неожиданная встреча с депутатом, геологом Игорем Толстых, которого раньше Пряхин не раз забрасывал на вертолёте в тайгу, а позже помогал ему на выборах. Узнав,

что Пряхин ищет работу, Толстых предложил съездить на Октябрьскую, там, он слышал, открылась киностудия военного кино.

— Я знаю, ты начал писать. И, говорят, неплохо получается, — сказал Толстых. — Так что ноги в руки и чеши. Вот тебе адрес, я позвоню руководителю, там наши люди.

Ждать, когда на него обратят внимание, пришлось долго, но всё же дверь открылась, и Григорий увидел полного мужчину в тёмно-синем костюме, по всей видимости, отставного офицера. Задержавшись в дверях, он продолжал говорить по мобильному телефону. Секретарша вскочила со своего стула и застыла по стойке смирно. Григорий поймал себя на мысли, что уже встречал этого человека, но не мог припомнить, где.

— Я от Толстых, — сказал Григорий, когда мужчина закончил говорить по телефону, — насчёт работы.

Он уже понял, что это и есть Арсений Петрович, который занимается подбором кадров для развития отечественного кино. — Игоря Сидоровича, — для солидности добавил Григорий. — Он вам звонил.

— Посмотрите резюмо, — прикрыв ладонью телефон и глядя куда-то в себя, сказал Арсений Петрович.

— Резюме, — не поднимая головы, поправила секретарша, и Григорий увидел, как по её лицу скользнула едва заметная улыбка. Он поразился этой улыбке, точно в комнату неожиданно заглянуло солнышко. Но секретарша быстро спрятала её, и лицо вновь стало мраморным.

— Ну, я и говорю: ремозье и всё, что надо! — продолжая думать о чём-то своём, махнул рукой Арсений Петрович.

— Да, я принёс! — быстро, с торопливой готовностью ответил Григорий. — Автобиографию, трудовую и всё, что полагается в таких случаях.

— Вот и прекрасно! — Арсений Петрович убрал ладонь с телефона. — Передайте секретарю. — И вновь скрылся за дверью.

Пряхину не понравилось, что ему уделили внимание ровно столько, сколько уделяют назойливой мухе. “Неужели Толстых не позвонил?” — подумал Григорий. Что ж, по прошлому опыту он знал: у тех, кто приходит наниматься на работу, вариантов немного, вернее, всего один, да и тот ущербный: сиди и жди своей участи, командуют парадом другие, например, вот такие секретарши.

Кроме резюме, секретарша попросила копию паспорта и выписку из трудовой книжки. Григорий уже с некоторым любопытством следил за её движениями, пытаясь угадать, что ещё может потребовать эта молоденькая особа с казённым выражением лица.

— Вот здесь вы указали, что работали за границей. Надо уточнить где, в какой стране или странах, — все тем сухим голосом сказала она.

Подчиняясь коротким, как выстрел, командам секретарши — “покажите то”, “это не пойдёт”, “здесь нужны цветные, а не чёрно-белые фотографии” и так далее и тому подобное, Григорий, чтобы не забыть, начал записывать на бумаге замечания.

— Вот ещё что, напишите, что вы умеете делать! — наблюдая за Григорием, с еле заметным раздражением в голосе, потребовала она.

— Прямо на бумаге?

— Арсений Петрович требует, — уже мягче сказала секретарша.

Григорий взял чистый лист бумаги. В голове мелькнула мысль написать, что он допущен к полетам днём и ночью, с подбором площадок в горной местности и в тайге, но тут же остановил себя, здесь это не зачтётся, и размашисто написал: “Фсе”! Затем внизу поставил свою подпись и дату.

Секретарша взяла листок, прочитала и протянула новый.

— “Всё” пишется через “вэ”, — сказала она.

— Вы в каком полку служили? — ещё не зло, но уже с ответным раздражением поинтересовался Григорий.

— Я служила в авиационном училище, — помедлив, ответила секретарша. — Преподавала историю.

— Оно и видно. А как же попали в кино?

— Ну, здесь еще не кино, — протянула она. — Вы что, из Нукутска?

— А что, этот город не значится в вашем перечне? — спросил Григорий.
— Почему же, — с какой-то новой интонацией произнесла секретарша, — я сама родилась и жила там.

— Вот как! — удивлённо отозвался Григорий. — Выходит, мы с вами земляки?

— Выходит.

— “Проникновенье наше по планете особенно приметливо в Москве”. И что же вас привело сюда?

— Это отдельная история. Училище закрыли, курсантов ночью посадили в самолёт и отвезли в Воронеж. Городок прикрыли. Все, кто работал в училище, подались кто куда, а я поехала в Москву.

Григорий вновь подивился перемене в её лице. Оно жило своей, неподвластной хозяйке жизнью: всё, что было у неё на душе и что она так старательно по-детски прятала, было на лице, и она никак не могла справиться с собой, хмурясь, кусала губы, морщила лоб, сдвигала в одну полоску брови.

— Как вас зовут?

— В армии не зовут, в армии требуют, — с серьёзным лицом ответила секретарша.

— Сурово! — протянул Григорий. — Но, насколько я знаю, армейские уставы на это заведение не распространяются.

Раздался телефонный звонок, и Григорий услышал голос Арсения Петровича.

— Наталья Владимировна, зайдите ко мне!

Наталья Владимировна встала, одёрнула рубашку и чуть ли не строевым шагом двинулась в кабинет начальника.

“Ну, здесь и порядки!” — подумал Григорий.

Он вдруг вспомнил, что встречал Арсения Петровича во время предвыборной компании несколько лет назад в авиационном училище. Тогда Григорий, поддерживая Толстых, предложил показать курсантам и преподавателям документальный фильм, в котором один из героев фильма накануне войны закончил Нукутское авиационное училище. Толстых согласился, посчитав, что фильм будет интересен преподавателям и курсантам. Но вся беда была в том, что в избирательной компании, которая развернулась в одном округе с Толстых, за депутатский мандат решил побороться Арсений Петрович Дудко. В училище насчитывалось несколько тысяч потенциальных избирателей, и за их голоса развернулась нешуточная борьба. Когда Пряхин с Толстых приезжали на встречу, то заместитель начальника училища тут же назначал для курсантов строевые занятия или очередную уборку территории, и Толстых приходилось встречаться разве что с работниками библиотеки да пошивочной мастерской.

— Чего вы хотите? — говорили им. — У нас есть свой кандидат.

С курсантами Толстых всё же встречался, происходило это тайно, перед отбоем. Уже другие офицеры на своих машинах провозили Толстых и Пряхина, минуя контрольно-пропускной пункт, прямо в казармы. Те выборы выиграл Толстых, но Дудко ещё долго писал кляузы в избирательную комиссию. Потом его следы потерялись, поговаривали, что после закрытия училища он перевёлся в авиационную часть, которая базировалась под Нукутском.

“Чудны дела Твои, Господи! — думал Григорий, разглядывая сквозь окно низкое московское небо. — Кто бы мог подумать, что та давняя история будет иметь такое продолжение”.

— Арсений Петрович просит вас зайти, — сказала секретарша, выходя от начальника, и уже по-иному, с каким-то любопытством глянула на Григория.

“Выходит, что и здесь меня вспомнили”, — подумал Григорий, открывая дверь в кабинет.

Дудко мельком глянул на Григория, затем, словно раздумывая, постучал пальцами по столу.

— Мы вас возьмём с испытательным сроком, — сказал он. — Нам нужны работники пера. Но запомните, у нас здесь все же не кабина вертолёта, здесь нужны мозги.

— А что, по вашему мнению, вертолётчики без мозгов?

Пряхин уже пожалел, что пришёл сюда. Нет, он не ждал, что его возьмут под ручки, усадят в кресло и спросят: “Чего изволите”? Как говорится, не тот случай. Едва увидев Дудко и вспомнив всё, что было связано с этим человеком, он понял: мимо него и муха не проскочит.

— Я бы хотел напомнить, что за вас хлопотал уважаемый человек, — медленно, но с особым металлом в голосе, точно говорит не ему — Пряхину, а кому-то еще невидимому, сказал Дудко. — И мы это учитываем.

Затем нажал на столе какую-то кнопку.

— Жанна Андреевна, не могли бы вы зайти ко мне?

Через минуту в кабинет не вошла, а влетела красивая, одетая во все красное молодая женщина. Каблучки выбили по паркету покающую пунктирную строчку. Она мельком, по ходу, глянула в сторону Пряхина, по-хозяйски уселась в жёлтое кожаное кресло, ладонью встряхнула на затылке копну светлых завитых крупными кольцами волос.

“Вот на неё-то действие армейских уставов и других норм внутреннего распорядка в киностудии не распространяется, — подумал Пряхин. — Работать здесь от подъёма до отбоя, высчитывая каждый шаг! Нет уж, увольте”, — решил Пряхин, и от этой мысли ему стало легче и свободнее.

От присутствия Жанны Андреевны в кабинете стало светлее, всё мгновенно преобразилось, приобрело домашний вид, и даже хмуρο глядящий с портрета Дмитрий Медведев, казалось, заулыбался в обе щеки.

— Жанна Андреевна Королёва, режиссёр и художественный руководитель студии, — с уважительными нотками в голосе представил её Дудко.

— Жанна Андреевна, как там у нас со сценаристами? — уже другим, пониженным голосом спросил он.

— Арсений Петрович, хорошие сценаристы на дороге не валяются, — засмеялась Жанна Андреевна. — Ищем.

— Вот, нам порекомендовали Григория Ильича, — Дудко заглянул в лежащие перед ним бумаги, — Пряхина. Поговорите с ним, дайте ему задание. Посмотрим.

— Хорошо, — улыбнувшись, сказала Жанна Андреевна, — но я сегодня вечером улетаю в Берлин, а после мне надо слетать на Байкал.

— Как скажете, Жанна Андреевна, — с неожиданной торопливостью и угодливостью сказал Дудко.

— Вот что! Пойдёмте ко мне, — повернувшись к Пряхину, сказала она, — там и поговорим.

— Передавайте привет Эрику Петровичу, — уже вслед негромко крикнул Дудко. — Удачной ему охоты.

— Передам, передам! — быстро отозвалась Королёва. И уже в приёмной, когда за ними закрылась дверь, вздохнула. — Ох, уж эти горе-охотники! В глаза бы их не видела.

Этот вздох не стал для Пряхина новостью. Как правило, многие женщины недолюбливают охоту и охотников. Но здесь, судя по всему, речь шла о муже Королёвой.

— Откуда вы знаете Толстых? — неожиданно спросила Королёва, когда они с Григорием зашли к ней в кабинет.

— Я его знаю давно. Вместе работали в Забайкалье, я возил геологов в Чару.

— Вот как! И что же вас подвигло писать сценарии?

— Я любил читать книги.

— Ну, это понятно. И что, вы прямо за штурвалом начали писать?

Пряхин окинул взглядом кабинет Королёвой. На окне было много цветов: кактусы, фиалки, орхидеи. Небольшой столик, компьютер, удобное кресло. И неожиданно он увидел в углу на тумбочке в голубой вазе засохшие цветы бессмертника.

— Это мне муж передал, — поймав его взгляд, сказала Королева. — Он привёз их откуда-то из тайги, — и, помолчав немного, добавила, — выходит, начали писать, не выпуская из рук штурвала.

— Да, я включал автопилот, брал в руки карандаш — и вперёд, — в тон Королёвой сказал Григорий. — Но я хоть синопсис не путаю со скепсисом, хоспис с хостингом, а контент с контингентом.

— Вы такой грамотный?

— Образованный, — поправил Григорий. — Как говорил мой отец, не можешь считать до десяти, тогда думай лопатой или иди в армию и занимайся строевой подготовкой. “Дураков не бывает, их назначают”, — так любил говорить генерал Лебедь.

— Кстати, вы пишете сами или делаете ремейки? — приподняв брови, неожиданно спросила Королёва.

— Я ещё со школы не любил списывать.

— Замечательно. Вот вам рукопись. По сюжету террористы пытаются похитить нашего ученого-физика, изобретателя ядерного чемоданчика, а после хотят шантажировать бомбой весь мир. Принес её какой-то офицер-фантаст.

— Помню одного такого, — засмеялся Пряхин. — На груди его могучей одна медаль висела кучей.

— Не все же в армии занимаются строевой подготовкой, — с еле заметной иронией заметила Королёва. — Как говорил любимый вами Лебедь, оставьте свои шутки для девочек без погон.

— Извините, если что не так, — сбавил обороты Пряхин. — В армии говорят, летящий лом не остановишь.

— Здесь у нас не армия, — сухо заметила Королёва. — Лому мы найдём другое применение.

Жанна Андреевна посмотрела в окно, точно размышляя, как ей поступить с Пряхиным дальше. Затем взяла со стола рукопись, полистала её.

— Арсению Петровичу рукопись понравилась. Сказал, что можно попробовать для кино. Прошу вас прочитать сей роман, — при этом Королёва сделала ударение на первом слоге, — и написать по нему синопсис. Описания, длинноты надо убрать.

— Понятно, нужен экшен.

Она быстро глянула на Григория.

— Вы говорите по-английски?

— Мне приходилось работать за границей, — пояснил Григорий. — Ещё немного владею бурятским. Но перевозжу только со словарём.

— О, да вы настоящая находка! — протянула Королёва и уже с подчёркнутым интересом посмотрела на Пряхина.

— И в какой же стране вы работали?

— В Непале.

— Переводчиком.

— Зачем? Вертолётчиком.

— Вот как! И что дальше?

— Дальше была Сагарматха.

— Что это такое?

— В переводе с непальского “Мать богов”. Ещё её называют Джомолунгмой, Эверестом. Гора, имеющая три названия. Самая высокая точка на Земле.

— И что вы на ней делали?

— Я на неё восходил.

— Что, правда?

— Да нет — шучу, — засмеялся Пряхин. — Восходил по воздуху до высоты пять тысяч семьсот метров. Высаживал там альпинистов, а дальше они восходили на своих двоих.

— Ну, и шуточки у вас.

— Что поделаешь, — улыбнувшись ответил Пряхин. — Это следствие взлётов и падений. И не только своих.

— И чему вы всё время улыбаетесь? — неожиданно спросила Королева.

— Я — улыбаюсь? Я вами любуюсь.

— А, это делайте на здоровье, — засмеялась Королёва. — Хотите кофе?

— С удовольствием, — быстро согласился Пряхин.

Королёва вскипятила воду, насыпала в чашку кофе и залила водой.

— Вам со сливками?

— Да, спасибо.

Королёва подала Пряхину кофе и налила себе.

— Чего вы стоите? — неожиданно улыбнулась она. — Я погони не ношу.

— Я тоже списан в запас, — отшутился Пряхин.

— И что там в Непале? — спросила Королёва.

— Что вы имеете в виду? Государственное устройство или обычаи?

— Ну, какие, например, там растут цветы?

Пряхин пожал плечами.

— Цветы? Да кто их знает? В мои обязанности не входило собирать цветы. Скорее всего, эдельвейсы. Ещё, кажется, были недотроги. Хорошее название для девочек. Правда? Очень красивые цветы. Кстати, красное платье у непальцев — цвет замужней женщины. Там не принято обниматься и здороваться за руку. Левая рука у непальцев считается нечистой. Нельзя есть из одной тарелки и пить из одного стакана. Нельзя перешагивать через ноги.

— А что можно?

— Всё остальное можно. Непальцы — скромные и выносливые люди. Особенно шерпы. Бывает, у него собственный вес — пятьдесят, а он взваливает себе на спину при разгрузке вертолётa восемьдесят. — Пряхин решил перевести разговор. — Я заметил, к авиации у вас особое отношение.

— Да, студию мы назвали “Медведь”. Мой муж служил в авиации, и какой-то тяжёлый самолёт они называли “Медведем”.

— Ту-95, — сказал Пряхин. — Так его называют американцы.

— Вот и мы решили так назвать киностудию, символом нашей страны. Кроме того, есть ещё Берлинский кинофестиваль, с которым мы поддерживаем хорошие отношения, у них главный приз — “Золотой медведь”.

— Можно ещё подружиться с непальцами. У них водится гималайский. Его за белую полосу на груди называют лунным. Говорят, гималайский медведь встречается и в России. Кажется, он изображён на гербе Хабаровска.

— Интересная мысль, — улыбнулась Королёва. — Мы часто бываем заложниками своих желаний. Например, мой муж любит охоту. Другие любят спагетти. Третьи — Агату Кристи. И что из того? Давайте вернёмся к вашим делам. В этой рукописи, — Жанна Андреевна кивнула на лежащую папку, — агент говорит о какой-то “сыворотке правды”. Не могли бы вы пояснить мне, мирному человеку, что это за сыворотка?

“Что, хотите взять препарат на вооружение?” — хотел съязвить Пряхин, но тут же схватил себя за язык. Разговор начал плавно выходить из штопора и заваливать его вновь в пике не имело смысла.

— Это современное оружие спецслужб, — сказал Пряхин. — Человеку вкальвают препарат, и он говорит всю правду. У бурят есть выражение: худларись, то есть не говори неправду. Видимо, в ответ правдоискатели изобрели сыворотку.

— Фу, какая гадость! — Жанна Андреевна поднялась. — Вот что, давайте я вам покажу нашу студию.

Студия находилась в подвале, прямо под офисом, и попасть туда можно было только имея собственный ключ. Королёва сняла со стены связку ключей, и они по отдельному коридорчику и узкой лестнице спустились в подвал. То, что студия была предметом гордости Жанны Андреевны, Григорий понял сразу же. Все сотрудники разместились в разных комнатах: отдельно студия звукозаписи, съёмочный павильон, монтажная и маленькая кухонька. В конце коридора, где имелся телевизор и стоял диван, располагался конференц-зал.

— Это я у Табуреткина выпросила, — с гордостью сказала Королёва.

Пряхин понял: это она говорит о министре обороны. “О, да она, видать, птица высокого полёта”, — подумал он, разглядывая компьютеры, другую аппаратуру и завешенные фотографиями стены. Студия ему понравилась, в ней не было той помпезности, которая была наверху.

— Если не возражаете, то ваше место будет здесь, — сказала Королёва.

Вот так, уже в который раз в жизни, ему указывали место. Он не выбирал, ему показали не привычное пилотское кресло в вертолётe — Пряхина

привели туда, куда он не стремился, но всё же попал. И что будет дальше? Это можно было только предполагать. “Видимо, пришло то время, когда уже решают за нас, где сидеть и что делать дальше”, — подумал он, следуя за Королёвой.

Дальше Жанна Андреевна пояснила, что основная задача студии — поддерживать депутатов, представляющих интересы комитета по обороне и безопасности, а также органы власти на местах.

— Ещё мы плотно сотрудничаем с межфракционным объединением авиации и космонавтики России, — сказала Королёва. — Насколько я поняла, это и ваша тема.

Уже позже Пряхин узнал, что работникам студии платили крохи, но закрывали глаза, когда они искали приработок на стороне. Звукорежиссёр записывал музыку, монтажёр копировал фильмы, сканировал и чистил старые фотографии. Хорошо платили за съёмки и монтаж, когда частники приглашали на свадьбы и другие юбилейные торжества. Кроме того, в подвале было ещё отдельное помещение, которое сдавали в субаренду. Но это была отдельная, закрытая для всех зона. Здесь же, в студии, технические работники обедали, собираясь в монтажной комнате. Здесь же отмечали свои праздники, накрывая маленькие “поляны”. Пряхин отметил, что, когда в монтажную вошла Королёва, видеоинженер проявил неподдельную радость, не зная, куда усадить и чем угостить неожиданную гостью. Было видно, в студии её любили. Потом, по большому секрету, Наталья Владимировна скажет, что Королёва фактически руководит “Фондом поддержки патриотического кино” и что её муж, Эрик Петрович Королёв, недавно назначен губернатором Прибайкалья. Секретарша обмолвилась, что Королёва бывает строга и может врезать правду-матку в глаза, но камня за пазухой не держит, и никто на неё не обижается.

— Ну, кто и когда обижался на красивых и умных женщин! — добавила она.

Дудко, в основном, осуществлял представительские функции. Он встречал и провожал знатных и нужных для фонда людей. Наталья Владимировна подавала кофе, коньяк, конфеты и бутерброды. То, что к студии существует интерес, Пряхин отметил сразу же. Но сюда, в творческие катакомбы, иногда заходила, даже заскакивала, мелкая публика, кому-то срочно нужна была копия фильма, другому камера или оператор с камерой. К техническому персоналу Дудко спускался редко, но, когда появлялся, все тут же вскакивали. Он приглашал в конференц-зал и проводил, как говорили, “разбор полётов”. Творческие и технические работники стояли, слушали его, уткнув глаза в пол. Когда за ним закрывалась дверь, все облегченно вздыхали и вновь принимались за свои обычные дела.

Пряхин прочитал шпионский роман и в тот же вечер сел писать синопсис. Написал быстро, принёс в студию, но Королёва улетела на кинофестиваль в Берлин, и, казалось бы, о Григории на киностудии забыли. Он приходил к девяти и интересовался у секретарши, не приехала ли Королёва.

— Она сейчас на Байкале, — сообщала секретарша. — Звонила, будет в конце следующей недели.

Пряхин вздыхал и спускался к себе в подвал. Там, не зная, куда себя приладить, он заваривал плиточный китайский чай и угощал им своих новых товарищей. С ними ему было легче и проще, они, как и он, были собраны в этом подвале по случаю, чтобы отсидеться и посмотреть, авось подвернётся другая работа. “В этой берлоге можно просидеть до пенсии, — шутили они. — Хоть и небольшие, но деньги платят. Чего ещё надо? Хочешь больше — иди в шахту”. Когда узнали, что Пряхин летал на вертолёте, удивились: такая птица сюда ещё не залетала. Пряхин и сам не понимал, как же это его угораздило попасть сюда, но ответа так и не находил. Ставя себя на место Королёвой, он успокаивался и, как бы оправдывая Жанну Андреевну, говорил: “На нет и суда нет!” Неопределённость угнетала: вроде пообещали, даже определили место, но не было логичного в таких случаях распоряжения или приказа о зачислении на работу. Идти и пытаться прояснить сей юридический момент, выяснять свою дальнейшую судьбу у Дудко не имело

смысла. Ему дали испытательный срок. Чего ещё? Сиди и жди! В авиации это было привычным занятием: нет погоды, нет топлива, неисправна мат-часть. Первое, чему он научился в те начальные дни, это умению ждать.

Но через некоторое время Дудко напомнил о себе. Он вызвал Пряхина и поручил ему писать поздравительные адреса и, бывало, что тут поделаешь, — некрологи. Мало того, Арсений Петрович взял на себя обязанности главного редактора. Те тексты, которые Пряхин передавал через секретаршу, Арсений Петрович вычитывал с особой тщательностью. Он вызывал Пряхина на ковёр, делал разнос, а после устранения, как ему казалось, стилистических и смысловых недостатков поручал Наталье Владимировне отправлять адреса по почте. Пряхина поражало, с какой дотошностью Дудко относился к написанным текстам, он демонстративно, на глазах Пряхина, правил текст, комментировал тот или иной пассаж, расставлял запятые, словно от этого зависело, будет ли дальше существовать студия или её закроют. География адресов была обширна: депутаты Государственной Думы, Министерство культуры, Союз кинематографистов, руководители фондов, компаний и другие важные персоны.

Попривыкнув к Пряхину, Наталья Владимировна порою просила его, чтобы он съездил и вручил очередной срочный адрес. Но среди этой суетливой повинности случались минуты, когда никто не радовал своим рождением и не огорчал уходом в мир иной, и тогда Пряхин, едва открывая дверь в студию, по глазам Натальи Владимировны угадывал, что сегодня все нужные люди поздравлены и других особых, срочных заданий не предвидится. А поскольку на хозяйстве она одна, то можно будет спокойно посидеть, поговорить и выпить чашку чая. Пряхин доставал из пакета сладости, которые покупал по дороге, и протягивал секретарше.

— Ну, зачем вы тратитесь! — восклицала Наталья Владимировна. — У меня всё есть.

Григорию нравились такие минуты, непривычно домашние и тёплые; секретарша кипятила воду, заваривала чай, нарезала хлеб и делала бутерброды. Пряхин с улыбкой следил за нею, мысленно собирая себя по кусочкам, того, прежнего, уверенного и влюблённого в свою лётную работу, слегка жалея себя нынешнего, потерянного, но старательно скрывающего это, пытающегося приладиться к новой жизни.

— А вы будете? — спрашивал Наталью Владимировну Пряхин. — Улица должна быть с двухсторонним движением.

— Нет, мне нельзя, я боюсь пополнеть. Уже скоро не влезу ни в одну юбку.

— А я буду. На улице сегодня промозгло и сыро. Кроме того, в отличие от шотландцев, я юбок не ношу, — шутил он, наливая в чай сливки и добавляя немного соли.

— Буду пить по-бурятски, — говорил он, — у меня, как у сохатого, не хватает в организме соли.

Однажды Наталья Владимировна обмолвилась, что у неё сегодня день рождения, и достала початую бутылку коньяка. Пряхин попросил подождать его, надел лётную куртку и чуть ли не бегом полетел в ближайший супермаркет. Возвращаясь, возле метро купил цветы, а потом увидел в ларьке голубой шёлковый платок. “А что, к её глазам, наверное, подойдёт”, — подумал он и попросил продавщицу завернуть платок в цветную бумагу.

Наталья Владимировна не ожидала подарка, смутилась.

— Как ваша работа? — спросила она, примеряя перед зеркалом платок.

— Да вот, не могу коньяк совместить с сывороткой правды, — пошутил он.

— И что вас заставило писать сценарии? — поинтересовалась она.

— Нужда.

— Что, правда?

— Я шучу. Придумывая на бумаге чужую жизнь, я как бы отвлекаюсь от всего, что окружает меня, и погружаюсь в мир, который не существовал, но родился в моей голове. Не тот, который есть вокруг нас, а в котором бы мне хотелось жить. Я придумываю людей, ими населяю сюжет и двигаю их

от одной ситуации к другой. Потом вдруг начинаю понимать, что они живут самостоятельно и уже диктуют мне, куда они пойдут и что скажут в следующую минуту.

— Я тоже, когда не могу заснуть, начинаю придумывать, что я нарядная и красивая, — засмеялась Наталья Владимировна.

— А вы на самом деле красивая, — улыбнулся Григорий.

— Это вы говорите, чтобы не обидеть меня. Я знаю, какая я на самом деле.

— Какая же?

— Обыкновенная. Вот Королёва действительно красивая. А я всего боюсь. Особенно здесь, в Москве. Кстати, когда я собралась сюда, мама мне в дорогу дала мешок картошки. Я была не одна, с подругой. Мы с ней устроились на квартиру в Подмосковье и, можете себе представить, хозяин оказался наркоманом. Мы там у него всё побросали и убежали, боялись, что убьёт.

— А сейчас вы где живёте?

— Мы с подругой снимаем квартиру в Тушино. Конечно, ездить далеко, но некоторые ездят в Москву из других городов. Вот им-то не позавидуешь.

— Это так, — согласился Пряхин.

— Потом встретила Арсения Петровича, — продолжила она. — Дудко предложил мне работать в фонде. Я ему очень благодарна. Он умелый администратор. Жёсткий, требовательный. Знает, с кем и как обращаться. Где смазать, где погладить, а где и построить. У него есть присказка: “Я сказал люминь, — Наталья Владимировна рубанула рукой воздух, — значит — люминь!” А вообще-то мужчины делятся на две категории: одни охотятся, другие коз загоняют.

— К какой же вы относите Арсения Петровича?

— Ко второй, — не глядя на Пряхина, ответила Наталья Владимировна. — Загонщик он умелый. Как-то Жанна Андреевна пошутила: я думала, Арсений Петрович дарит цветы мне, оказалось — моему мужу. А чем в свободное время занимаетесь вы? — неожиданно спросила она.

— У меня его не бывает.

— Как это?

— Вот так, не бывает. Зимой во дворе заливаю для ребят каток, летом чиню забор.

— Вы что, подрабатываете дворником?

— Вроде того, на общественных началах. Мяч гоняю. Красота!

— И вам платят?

— Зачем же? Мне хватает того, что я общаюсь с ребятами.

— А жена вас понимает?

— У меня нет жены. Умерла.

— Извините.

Наталья Владимировна с сочувствием посмотрела на Пряхина, и он тут же выругал себя: лучше бы ему промолчать, но в коньяк, видимо, действительно научились добавлять сыворотку правды — и не хочешь, всё равно развяжет язык.

Пока Наталья Владимировна готовила новые бутерброды, Григорий тут же, на открытке, набросал стихи:

*Осень, ветер, под ногами лужи,
Я в толпе размеренно бреду,
Поворот направо. Мне туда не нужно,
Но зачем-то я туда иду...
Захожу и вижу за столом Наталью,
Кроток взгляд, а я стою, молчу,
Мне бы пригласить её в Италию,
Вот в Сибирь я ехать не хочу.*

— Вы ещё и стихи пишете, — удивилась Наталья Владимировна. — Но почему так грустно? Так нельзя. А вот про Италию — хорошо, я бы полетела.

— У Жанны Андреевны это второй брак, — помолчав немного, сообщила она. — От первого у неё дочка. И у Эрика Петровича тоже была семья. И ребёнок остался. Сейчас она живёт как бы на два дома. Сын, Юрик, здесь в Москве, заканчивает школу. Эрик Петрович уже полгода, как в Сибири. Жанна Андреевна не может бросить сына и уехать к нему в Нукутск. Скоро у Юрика выпускные экзамены. А ему хоть кол на голове теши. Гоняет по ночной Москве: друзья, подружки, какие там экзамены. Они живут по принципу: успеть всё, сегодня и сейчас. А Жанна Андреевна не может ему отказать. Где-то понадеялись, что за ум возьмётся. Так бывает, когда люди больше заняты собой. — Наталья Владимировна замолчала. — Она, Жанна Андреевна, Эрика Петровича сильно ревнует. Особенно когда узнала, что он взял к себе в протокольную службу какую-то симпатичную девушку.

— Кто любит, тот и ревнует, — заметил Пряхин.

— Женщина чувствует, когда мужчина, глядя ей в глаза, видит другую, — сказала Наталья Владимировна. — Вам, может, ещё чаю?

— Вода ломает мельницы, — пошутил Пряхин. — На сегодня хватит. Говорят, что в ревности больше себялюбия, чем любви.

— Возможно, вы и правы, — заметила Наталья Владимировна.

— Скажу одно: Жанна Андреевна — личность! Чего в этом больше, хорошего или плохого, — не разберусь. Мне кажется, женщина предназначена для другого. Любить и быть любимой. Командовать? Нет, нет, только не это! Говорят, когда две личности соприкасаются — искры летят. А что в итоге?

Она улыбнулась и, что-то вспомнив, всплеснула руками.

— Ой, совсем из головы вылетело! Вас разыскивают журналисты из телевидения. Анна Шнайдер. Она оставила телефон.

Это действительно было для него новостью. И, видимо, не только для него. Пряхин тут же вспомнил, что эту телеведущую он часто видел на канале НТВ. Не откладывая дело в долгий ящик, Пряхин тут же набрал номер.

— Вы знаете, что в Сибири произошла катастрофа вертолёта, — услышал он знакомый голос телеведущей. — Мы бы хотели дать комментарий специалиста.

— Ну, таких у нас много, — заметил Пряхин.

— Вас рекомендовал альпинист Саша Яковенко. Он утверждает, что вас его забрасывали в лагерь под Эверестом и что вас в шутку альпинисты называли гималайским медведем.

— Было такое, — засмеялся Пряхин. — Только не гималайским, а сибирским. Так о чём вы хотели спросить?

— А вы приезжайте к нам на телевидение, здесь и поговорим.

Григорий развел руками, показывая Наталье Владимировне, что должен срочно ехать. Она понимающе закивала головой. Он надел свою куртку, пожалев, что на нём не совсем свежая рубашка, спустился в метро и поехал на телевидение.

Григория встретила ассистентка, сказала, что Аня ждёт его. Затем повела его в гримёрную, и уже оттуда он попал прямо в студию.

Шнайдер попросила Пряхина рассказать о полётах в Непале, о работающих там вертолётчиках и русских альпинистах.

— Да что рассказывать? — пожал плечами Пряхин. — Мы их на вертолёте поднимали до Самбочи. Это площадка на высоте пять тысяч семьсот метров. Помню, меня поражало, что там, куда они дальше поднимаются, десятки лет лежат тела замерзших альпинистов. Сегодня при восхождении у альпинистов есть ориентир: зелёные башмаки на ногах погибшего десятки лет назад англичанина. Люди проходят мимо, вверх — вниз, и всё! Кислородного баллона хватает всего на несколько часов. Спускать погибшего альпиниста вниз нет ни сил, ни средств.

— А как же вы летали туда без кислородных масок?

— Мы летали с масками, — ответил Пряхин. — Но выше вертолёт уже не мог подняться. Поднимались только эти ребята-альпинисты. А мы на этой Самбоче, после выгрузки людей и снаряжения, вновь запускали двигатель и, насколько позволяла площадка, делали коротенький разбег, и уже с обрыва

падали в пропасть. А она была глубиной почти два километра. И это мы называли взлётом!

— Да, работёнка у вас! — покачала головой Шнайдер. И, помолчав, перешла к тому вопросу, ради которого она пригласила Пряхина.

— Какое значение в вашей работе имеет человеческий фактор?

— Мой знакомый альпинист, о котором вы вспомнили, — Саша Яковенко — побывал на многих высочайших вершинах мира. Он говорил, что у гор нет души. Продолжая его мысль, добавлю: у вертолётца тоже нет души, хотя мы перед полётом притрагиваемся к нему, как к живому существу, мол, не подведи, дружище! Душа есть у человека, ещё у него есть мозги и характер. Вертолётцы и самолётчики падают не сами по себе. В них сидят люди. Но не надо сразу же талдычить: “человеческий фактор”, “ошибка пилота” и тому подобное. У нас разрушена система подготовки авиационных специалистов и, как следствие, система контроля. Получилось так, что лётчик стал истиной в последней инстанции. Вот вы, — обратился он к Шнайдер, — осознанно не пойдёте к врачу-троечнику, он же свой аттестат и диплом не вывешивает на двери. Но вы понимаете, что рискуете. Не показывает свой диплом и пилот. А может, он его купил? Нынче возможно и такое. Но народ всё равно садится в кабины самолётов и вертолётов и ложится на операционный стол. Генерала Лебеда погубил не лётчик, а собственный характер. Он привык всегда и везде командовать, и в вертолёте он тоже был главным. Пилоты это понимали. Погоды нет, всё равно — вперёд! В том роковом полёте командир в самый последний момент увидел в снегопаде высоковольтный трос, он попытался поднырнуть под него и зацепился хвостовым винтом. Так же было и с сахалинским губернатором Игорем Фархутдиновым. Чтобы угодить начальству, вертолётчики ушли с трассы, попали в снегопад. Второй пилот, что стало известно при расшифровке “чёрных ящиков”, вроде бы сказал командиру: “Давай вернёмся”. Какой там! Лучше разбиться, чем вернуться. И, в конечном итоге, нашли гору. Сегодня лётчиков стали нанимать... как бы это помягче? Ну, вроде лакеев. И они вынуждены вести себя так, как им приказывают! В противном случае: вот вам Бог, а вот порог.

— Что бы вы хотели сказать нашим телезрителям? — спросила Шнайдер.

— Что лучше гор могут быть только вертолётцы, на которых ещё не летал.

Уже прощаясь, Анна Шнайдер сказала, что хотела бы сделать с Григорием свежую, добрую передачу, где все герои оставались бы живы.

— Двумя руками “за”, — улыбнувшись, ответил Пряхин.

Вечером передачу показали по телевидению, а утром, когда Пряхин пришёл в офис, Наталья Владимировна сообщила, что его разыскивает Жанна Андреевна.

— Что-то срочное? — спросил Пряхин.

— У нас всегда всё срочно. По пустякам она не звонит, — ответила Наталья Владимировна.

Пряхин почувствовал, как, набирая обороты под рубашкой, тревожно забилось сердце. Сочинять поздравления мог кто угодно. В конечном итоге, сюда он шёл не для этого. То, что Дудко из всей киностудии для этого дела выбрал его, было для Григория понятно. Возможно, он захотел проверить, сможет ли вертолётчик справиться с простой, но важной в его понимании работой. Поразмышляв немного, Пряхин позвонил Королёвой.

— Нам надо поговорить, — сказала она. — Если у вас есть минута свободного времени, я сейчас подъеду.

Пряхин не мог сообразить, чем же его сценарий заинтересовал Королёву. Он знал, что Наталья Владимировна пересылала текст по электронной почте, а потом подтвердила, что Королёва получила материал. И вот наконец-то можно будет узнать, что понравилось или что, наоборот, не устроило её.

Пряхин вышел из офиса и стал ждать у входа в метро. Шёл мелкий осенний дождь, мимо него, по капелькам сбрасывая на асфальт небесную влагу, сплошным потоком двигались мокрые зонтики, и Григорию то и дело приходилось прикрывать лицо от их острых краев. Попав впервые в огромный город, он удивлялся этому бесконечному потоку людей, они напоминали Пряхину бруновское движение. Он не пытался уловить какой-то смысл

в этом бесконечном движении, поскольку и сам являлся его частицей. Толкая друг друга, люди входят в вагон или автобус, какое-то время даже стоят, прижавшись друг к другу, переговариваются, а потом исчезают навсегда.

Вскоре напротив Пряхина остановился чёрный дорогой джип. Королёва вышла из машины, протянула мягкую руку.

— Мне бы не хотелось разговаривать в машине, — сказала она. — Здесь неподалёку есть неплохой ресторан — “Омулёвая бочка”. Не возражаете, если мы перекусим и поговорим там?

Пряхин был готов к разговору, но не готов к походу в ресторан. Он понимал, приглашая его в ресторан, Королёва тем самым оказывала ему особое внимание. Он мгновенно пересчитал в кармане все свои наличные деньги. Не то, что на ресторан, их не было даже на захудалую кафешку. Идти и заранее знать, что не сможет расплатиться, — нет, это было не в его правилах.

— Я приглашаю, — словно угадав его мысли, сказала Королёва. — Мне сообщили, что вы хорошо работаете с документами, и думаю, можете рассчитывать на первый гонорар.

— Это звучит обнадеживающе, — усмехнувшись, вздохнул Пряхин. — Скажу честно, у меня сегодня нет денег.

— Бывает, — сказала Королёва. — Сегодня нет, завтра будут.

Они сели в уголке, тут же подошла официантка. Пряхин отметил, что сегодня Королёва была в черном деловом костюме, белой рубашке и тёмном галетуке. Официантка окинула её оценивающим взглядом, сделала это по-женски быстро с головы до ног и застыла, приготовив блокнотик. Поймав взгляд Пряхина, она убрала с лица казённое выражение, улыбнулась и вмиг превратилась в настоящую красавицу.

— Я познакомилась с вашей лётной биографией, и мне пришла в голову одна мысль, — протянув меню Пряшину, сказала Королёва. — Как бы вам её выразить? Байкал, Саяны, Тункинские Альпы. Согласитесь, звучит как песня. Горы, тайга, природа, олени, медведи. Рядом — родина Чингизхана. Рай для туристов. Но его надо раскрутить. Туда могут поехать китайцы, американцы, японцы, европейцы, — Королёва внимательно посмотрела на Пряшину, должно быть, проверяла, какое впечатление произвели её слова. — А что, если снять фильм и показать его на Берлинском кинофестивале? — продолжила она. — В Нукутске долгое время не было хозяина, появлялись на время и отбывали.

— Они там появляются и пропадают с частотой электричек, — засмеялся Пряхин.

— Для начала снять рекламный ролик, — сказала Жанна Андреевна. — Я уже говорила с губернатором, он дал добро. За основу взять полет на вертолёте в урочище Шумак. Меня туда недавно свозили, я была потрясена: на одном гектаре — сотня целебных источников. Можно лечить все болезни. Но добираться туда непросто, десятки километров по горам.

— На вертолёте быстрее и удобнее, — согласился Пряхин.

— Вот-вот! Надо наладить туда постоянный рейс, — заторопилась Королёва. — Каждый день. Это всё быстро окупится.

— Кажется, сейчас туда возят туристов и состоятельных людей вертолётом с авиазавода. Ещё время от времени летает вертолёт ДОСААФ, — сказал Пряхин. — Но это не выход. Туда нужно вкладывать средства, и немалые.

— Собственно, за этим я вас пригласила. Я предлагаю вам взяться за организацию этого дела. Надо набросать бизнес-проект. Пора прекращать московскую киношную спячку и выходить на международный уровень. Я вас слушала по телику, вы же профессионал! Здесь вырисовывается ещё одно интересное направление — обслуживание ВИП-клиентов.

“У меня был уже некоторый подобный опыт, — вспомнив свои камчатские полёты, подумал Пряхин. — Нет уж, увольте!”

— Знаете, Жанна Андреевна, я пытался устроиться на работу к вашему мужу, но не сложилось.

— Почему? Расскажите!

— Вот вы хорошо говорили: “Одни любят спагетти, другие — детективы...” — Пряхин замолчал.

Прошлой осенью, когда Пряхин по наводке Торонова прилетел в Нукутск, он попросил Толстых, приехавшего тогда в Прибайкалье во главе делегации земляков-москвичей, чтобы тот взял его на приём к губернатору.

— Одно дело, когда за тебя просят, другое дело — поговорить самому, посмотреть в глаза. Это уже другая ситуация, — сказал он Толстым. — Если откажет, то и вопросов не будет, почему и отчего. Я знаю, что когда перед тобой сидит человек и смотрит в глаза, отказывать труднее.

Но разговор за столом у губернатора приобрёл неожиданный поворот. Все уже знали, что в своей работе Королёв решил опереться не на местную элиту, а на своих, проверенных ещё в прошлой московской жизни людей. И уже гуськом полетели в Нукутск перелётные московские птицы. На встрече с новым губернатором Толстых витиевато и осторожно, как подобает опытному политику, начал выяснять, почему Эрик Петрович в своей сложной и ответственной работе решил опереться на приезжих? Сказал, что знает среди местных немало грамотных и опытных специалистов.

Губернатора вопрос Толстых буквально взорвал:

— Да все местные повязаны! — сжав кулаки, буркнул он. — Кумовство, воровство, коррупция! Рука руку моет. Губернаторы приезжают, их съедают, а местные этим сыты бывают!

Пряхину бы помолчать, но он, не сдержавшись, влез в этот непростой разговор.

— Скажите, а чем приезжие будут лучше?

— Они порядочнее и честнее, — глядя Пряхину прямо в глаза, медленно, но с особым значением произнёс Королёв. В этот момент взгляд губернатора напомнил Пряхину наставленную на него в упор двустволку. В маленьких, глубоко посаженных глазах сверкнул холодный металлический блеск. Пряхин понял, что натолкнулся на человека, который не привык к тому, что его ставят в неудобное положение, в такой момент губернатор был похож на поднятого из берлоги медведя.

— Раз они выросли на столичных улицах, то не знают, что такое коррупция?

— Вы что, считаете, что я поступаю неправильно? — глухо, сквозь зубы спросил губернатор.

— Нет, это ваше право набирать себе команду. Но не в пробирке же вы их вырастили. У них там всё, а здесь только работа. Каждую пятницу они будут летать в Москву, туда, где у них друзья и семьи.

— Я знаю, что вертолётчика, кстати, первоклассного пилота, губернатору подыскал Арсений Петрович Дудко. Да, да, именно он! — выслушав Пряхина, сообщила Королёва. — Он устраивает моего мужа.

Пряхин развёл руками, показывая, что он не возражает, если подбором кадров для губернатора занимается Дудко, кто будет спорить, пусть будет Дудко. Перед тем как расстаться, Пряхин спросил про переделанный сценарий.

— Да, я просмотрела и передала Арсению Петровичу, — думая о чём-то своём, ответила Королёва. — Шпионы, погони, слежки — я в этом не разбираюсь. Пусть он сам принимает решение.

Королёва тряхнула своими золотистыми волосами, как бы показывая, что эта тема закрыта.

— Ко мне приехал гость, — неожиданно сказала она. — Из Берлина. Раньше он жил в России и хорошо говорит по-русски. У меня есть предложение. Не могли бы вы сопроводить его, он никогда не был на Байкале.

— Если надо, я готов, — быстро ответил Пряхин. “От такого предложения трудно отказаться”, — хотел было добавить расхожую в таких случаях фразу, но промолчал. Королёва могла подумать, что он набивается на эту поездку. Он и сам удивился столь неожиданному предложению.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Королёва. — Завтра я приглашаю вас к себе на дачу, познакомьтесь с ним. За вами заедет мой сын. Предупреждаю, Юра гоняет, но вы не обращайтесь внимания.

На Юру трудно было не обратить внимания. Крепкий, коротко стриженный, очень похожий на мать, спортивный парень, пожал Пряхину руку,

усадили на переднее сидение, и они понеслись по утренней Москве. Уже позже Пряхин узнал, что к моменту их встречи у Юры за быструю езду набралось больше сорока штрафов из ГАИ. Он откупался и продолжал гонять по Москве и окрестностям.

Немца из Берлина звали Карлом, фамилия у него была Румпель. Родился он в Казахстане, затем, когда распался Союз, уехал в Германию.

Спустившись в фойе гостиницы “Метрополь”, Карл протянул Пряхину руку. Григорий уловил, что от него крепко наносит парфюмом. Юра открыл для него дверь машины, и они по запруженным московским улицам начали выбираться из города. Немец хватался за сердце, наблюдая за Юриными вырваками. Визжали тормоза, джип то притормаживал перед светофорами, то, набирая огромную скорость, оставлял далеко позади красные светофоры и другие машины, водители которых, глядя им вслед, должно быть, использовали весь набор ненормативной лексики.

— О, майн Готт! — восклицал Карл после очередного перекрёстка. — Вы скажите ему, — обращался он к Пряхину. — Нельзя ездить на красный свет!

Но правила для младшего Королёва были не писаны. До дачи, где их ждала Жанна Андреевна, он домчал гостей за полчаса.

Дверь во двор Юра открыл при помощи кнопки на электронном брелке, который болтался у него на груди. Жанна Андреевна ждала гостя на крыльце с хлебом и солью. Карл тут же показал, что ему плохо, он взволнован и расстроен до такой степени, что ему даже трудно дышать. Жанна Андреевна, одетая во все серое: тёмно-серый с блёстками кокетливый пиджак, серую юбку, туфли на высоком каблуке, — полуобняв дорогого гостя, как могла, старалась успокоить Карла. Она повела его по комнатам и этажом огромного особняка, показала бильярдную, шкаф мужа с ружьями. Карл уже отошёл от сумасшедшей езды и с улыбкой и любопытством начал рассматривать особняк, комнаты и картины на стенах. Не остался он равнодушным к коллекции охотничьих ружей, его внимание привлёк немецкий “Маузер” в кожаном чехле, затем он осмотрел ружья фирмы “Зауэр”, “Меркель” и “Зимсон”.

— Фантастишь! — то и дело восклицал он.

Действительно, коллекция у Королёва-старшего была отменной. В ней были ружья, приобретённые как самим Эриком Петровичем, так и те, что дарили друзья и знакомые; несомненно, они хорошо знали о страсти Королёва к ружьям. Рядом с оружейным шкафом на полу лежала выделанная шкура бурого медведя. Карл приподнял голову медведя, потрогал клыки, зачем-то заглянул под шкуру. Затем достал из сумки видеокамеру и начал снимать.

— Большой, очень большой, — сказал он. — Мне не поверят.

— Его добыл Эрик — мой муж, — с некоторой гордостью в голосе, сказала Королёва.

— Эвенки говорят, что вместе со шкурой в дом заносится и душа убитого зверя, — заметил Пряхин. — Прежде чем добыть зверя, они долго шаманят и уговаривают его, чтобы он не обижался и не злился на них. Боятся, что может отомстить. Они верят в то, что человек может превратиться в медведя. Чтобы такое не произошло, собираясь на охоту, произносят такие слова: “Пень, колода, крутая гора, не видать чёрному зверю меня”. Почему-то считается, что медведь особенно не любит беременных женщин и, если среди ягодниц появляется такая, то медведь будет преследовать, прежде всего, её, чтобы убить вместе с нею будущего охотника.

— Я была против, — вздохнула Жанна Андреевна, — но Эрик настоял, чтобы шкура лежала здесь.

— Но вы не расстраивайтесь, — сказал Пряхин. — Буряты обычно хранили голову медведя на крыше дома, она должна была отпугивать злых духов. Если у женщин случалась опухоль груди, то шаман проводил по ней медвежьей лапой сверху вниз, и опухоль пропадала. Никто из охотников не называл медведя топтыгин, косолапый, чёрный зверь. Эвенки зовут его хозяином или дедушкой.

Когда Пряхин начал рассказывать про медведя, Карл навёл на него камеру, стараясь не пропустить ни одного слова. Григорию польстило внимание зарубежного гостя, и он вспомнил ещё один случай. Было это на Севере, когда Пряхин только начинал летать. Охотники на Ми-4 преследовали медведя. Догнали, выстрелили через дверь — он упал. Подлетели, посадили вертолёт рядом с лежащим зверем. Командир решил выключить двигатель и отключил трансмиссию несущего винта. Едва охотники, выбравшись из вертолёта, ступили на землю, медведь вдруг ожил, встал на дыбы и, откашляваясь кровью, двинулся на них. Охотники бросились в кабину вертолёта. Командир вновь запустил двигатель, раскрутил винт и даже успел оторвать колеса от земли, когда медведь схватился за колесо, и машина опрокинулась. От полученных ран зверь всё же сдох неподалёку от упавшего вертолёта, но своё дело он сделал. Позже говорили, что тот медведь весил восемьсот килограммов. А ещё в старину охотники вели подсчёт добытых ими медведей. Считалось, что сороковой — роковой. Даже самые заядлые охотники прекращали ходить на тоштыгина, когда вплотную подходили к этой цифре.

Не выпуская из рук камеры, Карл показывал Григорию большой палец, он был очень доволен рассказом. Довольна была и Королёва. Григорий улыбался, чувствуя, что в этом доме со своими рассказами он неожиданно оказался к месту и ко времени.

И всё же Карл не забыл стресса, полученного от сумасшедшей езды Юры. Когда сели за стол, он попросил Жанну Андреевну, чтобы обратно его отправили на такси.

— Я вас повезу сама, — сказала Жанна Андреевна. — Если говорить честно, я боюсь за него. Юрий с моим мужем участвовали в гонках по Байкалу и однажды даже опрокинулись. Хорошо, что были привязаны.

— Немцы всегда ездят пристёгнутыми, а вот русские почему-то забывают это делать, — заметил Карл. — К тому же, Москва не Берлин. У нас за такую езду очень строго наказали бы.

— Но он попросил, и я не могла ему отказать, — смутившись, ответила Королёва.

Угощала Жанна Андреевна широко, по-русски, с размахом. Сначала холодные закуски: рыба, мясо, салаты. Затем борщ, запечённое свиное мясо на косточке. Потом подали баварское баночное пиво “Шпатен”. Пряхин вспомнил, что его первый командир, когда ему предлагали отведать этот заграничный напиток, говорил: “Не пей, Гриша, пиво немецкое, козлёночком станешь. Я знаю, лучше нашей водочки ничего не придумано. Пить пиво — пускать деньги на ветер”.

Королёва решила угодить дорогому гостю: кроме немецкого пива на столе стоял мускат “Троллингер”.

Домработница подала к пиву сушёную рыбу, байкальского вяленого омуля и копченого сига.

Позже, когда сидели, пили кофе, Королёва вспоминала прошедший в Берлине кинофестиваль, обсуждали предстоящую поездку Карла в Сибирь. Жанна Андреевна сообщила Румпелю, что сопровождать его будет Пряхин.

— Он опытный вертолётчик. В Непале охотился на гималайских медведей.

— Снять на камеру гималайского медведя — моя мечта! — воскликнул Карл.

— Я пытался там всего лишь увидеть снежного человека — йети, — поправил Королёву Пряхин. — Но, к сожалению, не встретил.

Уже поздно вечером Жанна Андреевна отвезла их в Москву, высадила Карла у “Метрополя”, затем повезла домой Пряхина.

— Карл — наш потенциальный инвестор, — прощаясь, сказала она. — Завтра зайдёте в офис, получите билеты и деньги. В Нукутске вас встретят. Ваша задача сделать так, чтобы у Карла осталось хорошее впечатление о Сибири.

— Понял, — кивнул Пряхин. — Только мне надо предупредить Арсения Петровича.

— Не беспокойтесь, — сказала Жанна Андреевна. — Наталья Владимировна оформит командировку. Я подпишу распоряжение, думаю, Арсений Петрович не будет возражать.

Их действительно встретили люди из администрации. Начались объятия, поцелуи, намерения схватить чемоданы гостей и отнести их в машины. С Карла Румпеля попытались даже сдвигать пылинки, но немец держался молодцом, выставив вперед руки, он показывал, что знает границу гостеприимства. Когда везли из аэропорта, Карл с некоторым удивлением и неподдельным интересом осматривал деревянные дома, потрескавшийся асфальт и зелёные заборы. Чуть было не подпрыгнул, когда увидел перебегающую через дорогу огромную лохматую дворнягу, и быстро полез в сумку, чтобы достать видеокамеру. Пряхин усмехнулся: “Вот так и рождаются мифы о шагающих по сибирским улицам медведях”.

Водитель сообщил, что губернатор в отъезде, но для них уже составлена программа.

Пряхина и Карла разместили в гостинице “Ангара”, они приняли душ, затем быстро перекусили в ресторане, и почти тотчас за ними пришла машина с охотоведом, крепким бурятom невысокого роста.

— Кеша, — коротко представился он. — Мне поручено вас сопровождать, вместе с Гансом.

— С Карлом, — поправил Пряхин.

— Нам, бурятам, один хрен, — засмеялся Кеша. — Что Карл, что Ганс. Помню одно: “Гитлер капут!”

— Вот что, Кеша, Иннокентий, — поправился Пряхин.

— Намоконов, — подсказал Кеша.

— Так вот, товарищ Намоконов, немец жил у нас в России и хорошо знает русский.

— Я, хоть и бурят, но тоже хорошо знаю русский! — прикрыв рот ладонью, прыснул Кеша. — И, как мой дед, с трёхсот метров с первого раза попадаю в консервную банку.

— Выходит, ты родственник того самого Семёна Намоконова? — удивлённо протянул Пряхин.

— Однаха, так.

— Вопросов больше нет! Я сопровождаю Карла, — пояснил Григорий. — Чтоб всё было тип-топ.

— Не беспокойся, командир! — заулыбался Кеша. — Нам, бурятам, не впервой. Здесь мы таёжный спецназ губернатора. Всё можем. Медведя из берлоги поднять, коз загнать, разговором занять и бухлер на стол подать.

Через пару часов, миновав пригородные русские села, затем серые, сливающиеся с травой осенние бурятские улусы, они приехали на охотничью “заимку”. Там их уже ждали. За металлическим крепким забором на крыльце особняка выстроилась почти вся обслуга. Намоконов сообщил Пряхину, что это ближняя заимка, а есть ещё дальняя. Всё это Королёв приобрёл после назначения на высокий пост, поскольку любил тайгу и охоту. Оказалось, что всё хозяйство — это огромный кусок тайги, обнесённый металлической сеткой. Внутри него жили и паслись олени, маралы, изюбри. Место для маленькой гостиницы было выбрано со вкусом: на зелёной поляне был выстроен кирпичный особняк, чуть поодаль топились деревянные, собранная из кругляка баня. Дальше, за баней, виднелись стеклянные теплицы. Всё хозяйство было обставлено с размахом. В так называемой “заимке” в прихожей на полу лежала шкура бурого медведя, в зале, где охотники отдыхали после дальних разъездов по тайге, на стенах располагались чучела голов снежных баранов, козлов, сохатого. В углу, готовая к прыжку, напружинилась огромная пятнистая рысь. А прямо ей в глаза скалила зубы серая волчица.

Пока гости обедали, охотоведы загружали машину снаряжением, ружьями и продуктами. Пряхину раньше не приходилось видеть привычную “Ниву” на таких несуразно огромных колесах. Кабина напомнила ему божью коровку, которая, непонятно почему, присела на огромные колеса, и оттого

стала непропорционально уродливой, с виду неповоротливой, скорее похожей на фантастический луноход машиной. Карл внимательно осмотрел “Ниву”, поцокал языком, достал свою камеру и с немецкой педантичностью начал снимать всё, что видел его глаз. Должно быть, его сознание не могло сразу же смириться с необыкновенной выдумкой русского гения, который собрал такую фантастическую машину. Теперь он пытался понять, сможет ли вообще тронуться с места это чудовище, а ещё, чего доброго, полететь над тайгой. Немецкая логика подсказывала, что именно на ней ему предстоит дальняя и непростая дорога.

Кеша переделал гостей в военную, приспособленную для поездок по тайге противоклещевую одежду, предложил выбрать ружьё. Карл взял привычный и знакомый ему “Маузер”, Пряхин предпочёл отечественную двустволку. Едва они отъехали пару сотен метров, как машина медленно вползла в огромную лужу, потом спустилась в низину и оказалась посреди огромного, заросшего кустарником болота. Затем, поднатужившись, “Нива” переползла через упавшую на дорогу сосну, подняла и погнала перед собой заросшую ряской волну, опять перескочила очередное препятствие и потащила дальше через тайгу.

— Чего только русские не придумают, чтобы не строить хорошие дороги, — похлопав по сидению, пошутил Карл.

— А ещё, однаха, придумали “катышу”, — прищурился и без того узкие глаза и улыбаясь каким-то своим мыслям, заметил Кеша. — Была такая песня: “Разлетались головы и туши, когда пела русская “катыша”.

— Мой отец работал на Красную армию, здесь, в Сибири, — буркнул Карл.

— В трудовом лагере? — поинтересовался Пряхин.

— Я, я! — быстро подтвердил Карл и, помолчав немного, начал расспрашивать, какие деревья и кустарники растут в этих местах.

И тут Иннокентий проявил удивительную осведомленность, должно быть, на лекциях в институте он мух не ловил, а учился прилежно, всё честь по чести.

— Вот это лиственница, чуть дальше сосны, берёзы, а под ними растут сарана, щавель конский, заячья капуста, пырей, — начал рассказывать и показывать он. — Ещё дальше — кусты осины, можжевельника, кусточки беголовки, пастушьей сумки, болотной хлебницы, иван-чай.

— О, знаю, иван-чай! Его заваривают вместо чая, — закивал головой Карл.

— Олени, маралы, изюбры и лоси очень любят это разнотравье, — продолжил Кеша. — Для них это и корм, и лесная аптека. Медведь очень любит малину и бруснику.

— Мед, он любит мёд, — заметил Карл.

— Ну, мёда здесь нет, — улыбнулся Пряхин. — А всё лесное зверьё — козы, олени, лоси — любят ходить на солонцы, им не хватает минеральных солей, вот там их и прикармливают.

Через час они остановились около высокой лиственницы, на которой были прибиты огромные олени рога, а чуть ниже на ветках и на стволе повязаны разноцветные тряпочки.

— Зелёный цвет защищает от болезней, — начал рассказывать Иннокентий, — синий — от невезения и гнева, красный дарует долголетие, жёлтый — мудрость и возможность постигать знания.

Он попросил своего напарника достать бутылки с водкой и провизией.

— Будем бурханить, — сказал Кеша.

— Что, что делать? — начал переспрашивать Карл.

— Отдавать дань Богу Бурхану — хозяину этих мест, — пояснил Кеша.

Карл сбегал в машину, достал камеру и начал снимать рога, стол и весь этот первобытный обычай сибиряков. Когда ему поднесли кружку водки, у Карла глаза полезли на лоб.

— У нас есть правило, — начал отказываться от выпивки Румпель. — На охоте — ни грамма. Шнапс запрещён. Обязательная инструкция, что можно и что нельзя.

— Но мы ещё не на охоте, — сказал Пряхин. — Мы в дороге. У нас даже в самый строгий пост тем, кто в дороге, можно употребить скоромное. И пропустить стопочку.

— Да, да, знаю! — заулыбался Карл. — Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения.

И все же немец не смог оказать должного сопротивления Намоконову, сказал “капут” и принёс себя в жертву Бурхана. Его хлопали по спине, говорили, что если гость не примет на грудь, то хозяин тайги будет на него очень сердит, и с ним может случиться всякое. Карл вздохнул, он был законопослушным немцем и не мог отказать хозяину тайги. Когда Кеша начал подвязывать к дереву цветные ленточки или, как их называют буряты, хо-даки, Карл сбежал в машину, принёс свой красный, с коричневыми полосами галстук, в котором при желании можно было угадать цвета национального флага, и, как только его ни пытались отговорить, повязал на рога изюбря так, чтобы это видела вся тайга: Карл Румпель здесь был!

— В Потсдаме, где стояла наша часть, я был единственным бурятом на всю группу войск, — обнимая Карла, начал рассказывать Кеша. — Чтобы не пугать немцев моим, — Кеша обвёл лицо рукой, — ликом Чингисхана, меня даже в увольнение не пускали. А тут Ельцин приехал к нам в часть. Я прорвался к нему: товарищ президент — не пускают. Где же демократия, однаха? Он тут же дал команду: пустить, понимаешь! И меня пустили. Я на-чистил сапоги, пришил свежий воротничок — и в город. Походил по улицам, зашёл в гаштет. Гляжу, все немцы на меня уставились. Я попросил прине-сти мне чаю по-бурятски с молоком. И тут один из фрицев идёт ко мне и под-носит стопку пшанса. Я ему пальцами: чего мелочишься, уж если пить, то стакан. Приносит мне стакан и булочку белого хлеба. Я выпил и показываю, что закусывать не буду. Немцы все разом притихли. Смотрю, несут ещё. Я же кино “Судьба человека”, про Соколова, ещё пацаном смотрел. Хлопнул стакан и показываю, что закусывать не буду. Они загалдели, как по команде. Смотрю, несут третий. Я залпом его махнул, закусил и говорю: “Где тут ваш оркестр, дирижировать буду! И петь: “Кочевник, степь и небо”. Это песня моего дальнего брата, шамана. Немцы ещё пуще загалдели: “О, о, о! Капельмейстер! Прима!” Спел я им, вышел на улицу и первому же нашему патрулю говорю: “А теперь несите меня в часть”. И отрубился!

Карл долго смеялся, затем, когда машина тронулась, он тут же, сидя, за-снул сном младенца.

Проснулся Карл, когда Иннокентий остановил “Ниву” возле огромной кучи. Казалось, кто-то специально собрал её из кустов, обломков деревьев и опавших жёлтых листьев в одно место. Иннокентий достал ружьё, зарядил его патронами.

— Однаха, мишка завалил здесь сожжоя, — пояснил Кеша, — съел сколько мог, остальное прикрыл. Мишка любит тухлятину. Может подойти, ё кала мэнэ!

Карл вначале не понял, о чём идёт речь, но когда понял, достал свой “Маузер” и, поглядев по сторонам, опасливо спрыгнул в булькающую болотину.

— Немцы говорят: “Посади лягушку хоть на золотой стул, она всё равно прыгнет в лужу”, — пошутил он, поглядывая на ближайшие кусты.

— А ещё у вас есть хорошая поговорка: “Косолапый останется косолапым, даже если его за море отвезти”, — глядя куда-то в таёжное пространство, простодушно сообщил Иннокентий. Пряхин засмеялся и, подлаживаясь под тон Иннокентия, добавил:

— Карл, мишка, как только узнает, что к нему за тысячу верст в гости приехал немец, обязательно придёт поздороваться. У нас в тайге все медведи говорят по-немецки.

— Яволь! — пристукнув резиновыми каблуками и встав наизготовку, выпалил Карл. — Придёт, тогда мишке — капут!

Посмеявшись над воинственной позой Румпеля, Кеша начал рассказывать очередную байку, как однажды он шёл с рыбалки и вдруг увидел, что за ним топает косолапый.

— Его, должно быть, привлёк запах рыбы, — поглядывая на Карла, Кеша сделал страшные глаза. — Что делать, от мишки не убежишь, однаха, бесполезно! Он лошадь, да что там лошадь, лося может догнать. Я соображаю: побегу, догонит и сомнёт. А потом как осенило, значит, надо делиться. Остановился, кричу мишке: “Хальт!” Он замер. — Вытянувшись в струнку, замер и Карл. Он не ожидал, что здесь в тайге прозвучит знакомая команда. — Я по-бурятски ему: “Сайн байна! Батюшка. Я садаа!” по-нашему это: “Здравствуй, мишенька, я уже наелся!” Достал из рюкзака хариуса и бросил ему. Тот поднял рыбку, опустил к себе в пасть, хрумкнул и снова за мной. Я снова бросил. Он опять проглотил. Так я откупался от него, пока не дошёл до зимовья. Заскочил, прикрыл за собой дверь, глянул в рюкзак, а там пусто, а мишка стоит, ждёт. Потом ушёл, а на другой день появился вновь. Прихожу, а он, ё кар гэнэ, уже избушку разграбил. Рыбы не нашёл, но отыскал сгущёнку и пепси-колу, вскрывал банки когтями и где-то зубами. Могу подтвердить, вскрыл не хуже ножа, и все высосал.

Кеша беззвучно рассмеялся, ему понравилось детское выражение на лице Румпеля. — Вот так, Ганс, у нас бывает, — Кеша почесал себе ухо, вновь хитровато улыбнулся. — Добрый мишка попался. А однажды злой застучал меня в том же зимовье. Проснулся я от шума, кто-то ломится в дверь, потом начал трясти избушку за угол. Силища у него немереная, ну, думаю — конец, “аллес” по-вашему! Ходит вокруг, орёт, злится. А после и вовсе выломал оконце и злобно на меня уставился. Тут я его снова ошеломил, крикнул по-немецки: “Хенде хох”! Пока он переводил, что бы это значило, я подбежал к печи, схватил чайник и плеснул ему в харю кипятком.

— О, о, о! Майн Готт! — застонал Румпель.

Кеша, как опытный рассказчик, тут же подбросил в печь уголька.

— Мишка взревел так, что подо мною потекло, должно быть из чайника. А может, и нет! Кто проверял? Да никто! — Кеша засмеялся самому себе. — И такое бывает у нас в тайге, ё кала мэнэ!

— Скажите, а здесь водятся гималайские медведи? — неожиданно спросил Карл.

— Старые охотники говорят, что раньше попадались, — ответил Кеша. — Вот в уссурийской тайге есть, а здесь — кто их знает? Тайга большая. Я, например, не встречал, не встречал. Наш сибирский будет побольше и посильнее. Мой старший брат Бато Торонов, который добыл уже не один десяток мишек, говорит, что самые крупные обитают на острове Кадьяк. Это уже в Америке.

— Я про вас сделаю фильм! — воскликнул Карл, обнимая Кешу. — Это будет сенсация!

— Да чего здесь особенного, — вздохнул Кеша. — Приехали, подняли из берлоги мишку, стрельнули. Гостям забава, а нам — сплошные хлопоты. Что поделаешь — работа...

Иннокентий не стал договаривать.

— Давайте я вам лучше свои стихи прочту:

*Закон тайги суров, но у людей намного жёстче,
Ревы, сокжой, ведь здесь такая тишь,
Кричат в тайге намного проще,
Вот у людей, попробуй, докричись.*

*Кричи, сокжой, соперник отзовется,
Придёт на крик, возьмёт тебя живьём,
И пуля для тебя всегда найдётся,
А после скажет сыто: “Однаво живём”.*

— А кто такой сокжой? — поинтересовался Карл.

— Дикий северный олень, — ответил Кеша. — Я говорил, возможно, он в той куче, что видели, лежит. Мишка, если и убивает, то по надобности, а человек по прихоти.

— После меня хоть потоп, — заметил Румпель.

— Вот что, Людовик, извиняюсь, Карл, — похлопав Румпеля по плечу, сказал Кеша. — Возьму-ка я тебя в лабаз с собой. Однаха, я ещё стишки почитаю. Может, заодно вспомним Гегеля, Канта. Гегель, кажется, говорил, что особь имеет родовое вне себя и помнит его как потомство.

— О, о, о! Зер гут! — воскликнул Румпель. — Это его философия природы.

— Их либэ дир. Гее цу мир, — глядя на Карла, старательно выговорил Кеша. И, рассмеявшись, добавил: — А то, я, понимаешь, по-немецки не калякал аж с Потсдамской конференции.

Вскоре они приехали на место. Машина остановилась посреди широкой, заросшей невысоким чапыжником и можжевельником долины. Осенняя тайга, что невеста на выданье, горела гроздьями созревшей рябины на солнечных складках, сразу же беря на себя взгляд; цветом губной помады полыхала ольха, чуть ниже к земле густо пламенела калина. Пряхин вспомнил, что в эти сентябрьские дни, сверху, с высоты птичьего полёта, тайга напоминала ему неизвестно кем раскинутый и оставленный, точно для просушки, персидский ковёр, который радовал и притягивал глаз. Это всегда наводило его на мысль, что время быстротечно, пройдёт день-другой, и перед близкими холодами всё начнёт осыпаться и увядать.

Взяв ружья, охотники, путаясь и цепляясь сапогами за густую траву и кусты, дальше пошли пешком. К самому солонцу подходить не стали, чтобы не оставить след. Как объяснил Кеша, звери чутки на посторонние запахи и, учитывая это обстоятельство, скрадок они разместили ниже солонца.

— Ночью воздух движется вниз с хребта, туда, где теплее, — сказал он. — Здесь зверь не учует охотника. — Возле скрадка Кеша потрогал землю, покачал головой. — Не придёт, — сказал он. — Вот если бы прошёл дождь, тогда наверняка.

Охотники разделились на две группы. Пряхин с шофёром пошли к ближайшей срубленной из бревен избушке, а немца взял с собой Кеша. Ему понравился зарубежный гость, который, к тому же, оказался добросовестным слушателем. Уж что-что, а для охотника свободные уши на всю ночь в тайге редкость.

Пряхин с шофёром зашли в ближний скрадок, прикрыли дверку, поставили ружья в угол и расположились на лавках. Сруб был собран недавно и сделан крепко, бревно к брёвнышку. Пряхин похлопал по стенкам, словно проверяя на прочность. “Поставить здесь печь и можно зимовать”, — подумал он. В скрадке прямо пахло нагретой за день свежей корой и смольём. У избушки были прорезаны небольшие бойницы в сторону ближайшего солонца.

Наступил тихий солнечный осенний вечер. Тайга жила своей жизнью, но то, что в ней присутствуют посторонние, она уже знала. Точно обследуя местность над тем местом, где укрылись охотники, стал нарезать круги копчик, а вскоре на далёкие чёрные сухостоины уселись косачи. Лесной народ, как это бывает и у людей, стал собираться, чтобы обсудить между собой последнюю новость: появление на подконтрольной им территории вооружённых людей. Но и у птиц не хватило терпёжу, немного погодя они засвистели, защёлкали свои привычные таёжные песни.

Солнце быстро закатилось за далёкую гриву, щебет птиц начал потихоньку умолкать. Где-то далеко ухнул филин и тут же, заставив учащенно биться сердце, послышался далёкий лай козла. Затем вновь всё стихло. Сизые сумерки начали заполнять низины, медленно и как бы нехотя подступали к одиноко стоящей избушке. Они были невесомые, без хребта и плоти, подползали неслышно, как сон. Пряхин почувствовал, что на него, на голову начал давить невидимый столб, и, закрыв глаза, стал засыпать. Он даже не сопротивлялся, нагрузка за день получилась изрядная, как в старые времена, когда ему приходилось делать с десяток взлётов и посадок, а потом, вечером, притрагиваясь головой к подушке, он засыпал мгновенно, без всяких сновидений. Из Москвы они вылетели вечером, в самолёте поспать не удалось, а по прилёту их под белы ручки взяли хозяева и привезли вот сюда, где на десятки километров не было живой души. Впрочем, было... Вот ещё раз

залаал марал, ему тотчас отозвался другой. Но на солонец, как и предполагал Кеша, никто не выходил.

Приладившись к узкой лавке, Пряхин всё же среагировал на звериный лай, но только на какой-то миг. Сквозь реденький сон ему вспомнился первый полёт на вертолёте. Было это в училище. Перед тем как поднять его в воздух, инструктор сказал, что пилотировать вертолёт легко и просто, но нужно знать и помнить одну особенность.

— Ты точно держишь в руках живую птичку, — сказал он, — передал, придушил — она отбросила лапки; отпустил — она выпорхнула, только её и видел.

“И в жизни так же, — отрывисто думал Григорий. — Передал — всё порушил, отпустил — всё разлетелось, вылетело из рук, только и видел”.

Очнулся Григорий от холода. Сквозь бойницу на него глянули близкие звёзды, небо всей чернотой лежало на деревьях, и казалось, можно было руками потрогать ковш Большой Медведицы. Пряхин отыскал главную в навигации, да и во всей человеческой жизни, Полярную звезду и начал размышлять, кто и когда придумал этому созвездию название. Со школы он помнил греческую легенду про охотника, который хотел убить превращённую в медведицу красавицу Каллисто. Зевс унёс её на небо, а что с нею произошло дальше, Григорий так и не вспомнил.

Вскоре начало светать, но зверь так и не пришёл на подконтрольный солонец. Пряхин даже порадовался: одной живой душой в тайге будет больше. Вскоре тайга стала наливаться светом, ожила, заполнилась звуками, но не теми, что были к ночи, а более смелыми и радостными. А когда проглянуло солнце, так вообще устроила настоящий концерт, зашевелилась, защебетала, защёлкала уже где-то под ухом, и Пряхин понял, что охоте конец.

“Слава Богу, никого не убили!” — вновь подумал он, и тут неожиданно вдали грохнул выстрел. Вся тайга, всё окружающее пространство замерло, переваривая эту новость. Но длилось это недолго, через минуту, вновь радуясь, что далёкий выстрел миновал их, защебетали невидимые птички.

Через полчаса к ним подъехала “Нива”. Пряхин увидел довольное лицо Карла. Он показывал пальцем на приваренный бампер, где болтались рога убитого изюбря.

В тот же день, ночью, они вернулись в город, а утром охотоведы и представленные для таких поездок работники администрации повезли Румпеля на Байкал. Пряхин остался в городе, он решил съездить к своему бортмеханику Цырену Цыреновичу Торонову, с которым проработал несколько лет. Цырен Торонов был бурятом, с которым Пряхина связывала давняя дружба. Они вместе налетали не одну тысячу часов. Теперь Торонов работал сторожем в гаражах на окраине города, и Пряхин долго плутал, чтобы разыскать его. Сторожка запряталась за бетонным забором и напоминала одиночную камеру с единственным, засиженным мухами окном, которое снаружи было заварено железными арматурными прутьями. Возле стены, рядом с пластинчатой батареей, стоял прикрытый покрывалом топчан, а прямо напротив окна Торонов соорудил какое-то подобие стола. Он добросовестно подготовился к встрече с командиром, выставил на стол бутылку водки, подогрел на сковородке захваченные из дома пирожки, мясо, сварил картошку и нарезал солёные огурцы.

— Вот так и живу, — окинув глазом комнату, сказал он. — Для меня ничего не поменялось. Как говорят, “не жили богато, и не хрен начинать”. Всё под рукой, всё по-походному.

— Совсем неплохо, — окинув взглядом столик, заметил Пряхин. — Даже мясо нашлось.

— Это я специально для тебя. Мне Кеша Намоконов медвежатину принёс. Не побрезуешь?

— Сойдёт, — ответил Пряхин. — Давеча твой Кеша возил меня на охоту. Рассказчик — поискать надо!

— За ним не станет, — согласился Торонов. — У них, охотников, есть обычай — делиться. Вот он и притортал кусок. Я его вымочил в холодной

воде, потушил в лотке. Почти без запаха. Да ты, командир, не стесняйся, проходи, садись. Официанток здесь нет. Или привык к московским разносолам?

Пряхин достал из портфеля бутылку армянского коньяка, поставил рядом с “белоголовкой”.

— У блондинки должен быть кавалер, — пошутил он.

— Не возражаю, — коротко улыбнулся Торонов. Он взял бутылку, начал внимательно изучать наклейки, затем даже поглядел на свет. — Где брал?

— Да здесь, в супермаркете.

— Боюсь, что поддельный. Сейчас залететь — пару пустяков. Люди, и те поддельные.

— С чего начнём? — спросил Пряхин.

— Всё равно. Давай с водочки.

Бортмеханик разлил водку в эмалированные кружки.

— Что я тебе, командир, скажу. Авиации — кирдык. Так получилось, не мы с тобой в этом виноваты. Наши, те, кто ещё летает, иногда получают заказы от новых русских. Крохи с барского стола. Раньше за полмесяца налёгивали санитарную норму, её, бывало, даже продляли. Как у нас говорили: “Большой винт рубли считает, маленький — копейки”! Теперь, рассказывают, на полёты военных привозят журналистов, чтобы показать, что авиация ещё существует. А результат? Те, кто сегодня сумел взлететь, не факт, что сумеют нормально сесть. И бьются! А с другой стороны... Вот ты бы сейчас спросил: “Пойдёшь летать? Ведь там всё плохо”. Я бы не только пошёл — пополз бы.

— Я пробовал, — усмехнулся Пряхин. — Вот, дополз пока что до тебя.

— И на этом спасибо. Должно быть, трудно было от Москвы оторваться?

— Эх, Цырен Цыренович! Как говорится, кому-то ветчина, а кому-то хрен с горчицей. Вот и ты не уехал в свой родовой улус.

— Утешил. Это чтоб я здесь не переживал. Я и не переживаю! Вот за тебя обидно. А насчёт улуса, так нет его. Разъехались. Даже мой сын в Москву подался.

— Ничего, соберёмся. Я ведь не просто так к тебе приехал. Есть предложение.

— Нет возражения, — как, бывало, раньше, подхватил Торонов. — У нас, у бурят, как тебе известно, нет иммунитета, — Торонов выразительно щёлкнул себя по горлу, — к спиртному.

— Так за что будем пить? — спросил Пряхин.

— А знаешь, давай помянем твою Женьку, извиняюсь, Евгению Ивановну. Помнишь тот полёт в Старую Юхту?

— Как же не помнить! Конечно, помню... — ответил Пряхин. — Но давай сначала по махонькой.

— От винта!

— Чокаться не будем, — предупредил Пряхин.

— Куда уж дальше. Давно чокнулись, — махнул рукой Торонов. — Но, одна, ещё держимся.

— Когда поминают, то у нас это не принято.

Вмиг лицо у Цырена Цыреновича сделалось каменным, веки прикрыли глаза, и Пряхин, подивившись произошедшей в нём перемене, вдруг подумал, что в Торонове, при желании, можно было разглядеть многовековую задумчивость и спокойствие Будды.

Женя работала врачом санитарной авиации, и они часто виделись при выполнении срочных заданий. Он удивлялся, как её, вчерашнюю студентку, посылали на такую сложную и ответственную работу. Конечно, она была не одна, с нею вылетала целая медицинская бригада.

Вертолёт забирался в такие места, куда ни одна “скорая помощь” добраться не могла. Но в тот день была какая-то особая погода, как говорили сами вертолётчики, атмосфера словно взбесилась: фронты, снежные заряды, ветер. Позже Пряхин узнал, что тогда за день в стране произошло сразу пять авиакатастроф с вертолётами.

Когда они уже были в воздухе, на связь вышел Казачинск и попросил сесть на площадку в верховьях Улькана и забрать раненого охотника. Как выяснилось, охотники подняли из берлоги медведя, но что-то пошло не так, косоплательный поднял одного из них и снял скальп. Пряхин прикинул по карте: выходил крюк почти в двести километров. Но деваться некуда — просьба была подкреплена указанием командира лётного отряда. И они полетели. Забрав раненого, Пряхин повёл вертолёт в Старую Юхту, там он рассчитывал дозаправиться, забрать роженицу и вылететь на базу. К Старой Юхте они пришли под заход солнца. Уже перед самым снижением загорелась лампочка критического остатка топлива. Произошло то, что обычно происходит, когда вместо одного дела пытаешься сделать сразу несколько. Всё тут обернулось против: и ветер был в нюх, и погода окончательно испортилась, и времени было в обрез. А тут ещё перед глазами вспыхнул красный семафор. Он-то и обещал экипажу главную неприятность, не оставляя выбора. Надо идти только в Старую Юхту. Нет, Пряхин не сгущал ситуацию, выбор был всегда, но в данном случае выбирать предстояло между плохим и очень плохим; падать без топлива в тайгу или всё же сесть туда, где можно было заправиться, и, забрав больную, отвезти её на базу, где их ждала “неотложка”. Казалось, он должен был давно освоить лётную математику, просчитать все возможные варианты заранее, а не лихорадочно, в последний момент, выбрать безопасный эшелон, где заправиться, сколько людей и груза взять на борт. А ещё — как взлететь и как сесть, с ветром или без, какова высота снега на площадке и будет ли он свежим или лежалым. Вспомнить размер площадки: если она с пятак, тогда при посадке придётся втискиваться в неё, как в колодезь. Вот именно такая и поджидала его в Старой Юхте без вычищенных подходов и боковых полос безопасности: на такую не сядешь и не взлетишь с неё “по-самолётному”.

Когда они зависли над площадкой, Пряхин понял, что площадка покрыта свежеснеженным снегом. Его опасения подтвердились буквально через несколько секунд. От вращающегося винта поднялся снежный вихрь, воткнутые в снег ёлки разлетелись в стороны, и он мгновенно потерял пространственное положение и визуальную связь с землёй: глазу было не за что зацепиться. Уйти и сделать следующий заход не было никакой возможности, топлива не осталось и на круг. Весь окружающий мир сузился для него до размеров кабины, оставив для глаз две точки — красную лампочку остатка топлива и авиагоризонт. Радиовысотометр потерял свою надобность — при снежном покрове он начинал врать.

И тут Пряхин внизу неожиданно увидел зелёную с набалдашником травинку. Засохший стебелёк кровохлёбки не раскачивался, а трепетал под снежным вихрем, но держался за землю из последних сил. Пряхин вцепился в неё глазами — эта травинка стала их спасением.

По ней Пряхин определял расстояние до земли. Бортмеханик по авиагоризонту подсказывал крен. Медленно, очень медленно Григорий начал опускать машину. Сначала он почувствовал, что невидимой пока ещё земли коснулось правое колесо, затем — левое, и дальше машина твёрдо встала на передние. Не успел он вытереть пот со лба и посадить медицинскую бригаду, как буквально через пару минут медики сообщили, что у больной упало давление. Она держалась до конца, а когда ей сказали, что всё же прилетел вертолёт, потеряла сознание. Евгения Ивановна решила сделать венесекцию, чтобы ввести иглу шприца, и тут неожиданно в посёлке погас свет.

Пряхин попросил Торонова снять аккумулятор и принести его в дом. Второй пилот нашёл провода, лампочку, и они дали врачам свет. Пока медики делали своё дело, экипаж заправил вертолёт, и, уже ночью, они с больными вернулись на базу. Прощаясь с медицинской бригадой, Пряхин вручил Евгении тот самый сухой стебелёк кровохлёбки:

— Она спасла нам всем жизнь, — сказал он. — Так бывает.

Мог ли тогда Григорий знать, что вскоре Евгения Ивановна станет его женой, а тот стебелёк будет талисманом до самого конца их совместной жизни.

— Ну, а сейчас как? — спросил Торонов.

— Живу один, — помолчав, ответил Пряхин.

— Это не дело. Тебе надо иметь рядом женщину, — сочувственно сказал Торонов. — Придёшь домой — не с телевизором же разговаривать! Может, помочь? Есть тут одна.

— Как-нибудь обойдусь.

— Я тебе уже сказал, мой сын Веллингтон тоже в столицу подался, — вздохнув, сказал Торонов. — Летает на парапланах. Недавно звонил мне. Ездил в Австралию и стал там чемпионом мира.

Пряхин слушал Торонова рассеянно: чемпионаты, полёты на планерах, вертолётах. Ему казалось, что всё это осталось в прошлом. Неожиданно для себя Григорий подумал, что должен позвонить в Москву Наталье Владимировне. Ему захотелось послушать её голос, узнать, чем она занимается и какая сегодня погода в столице. А может, привезти ей отсюда цветы? Например, ветку багульника. Он вспомнил, как перед отлётом в Сибирь зашёл к ней. Она поднялась навстречу, едва он вошёл, светлая, нарядная, с его голубым шарфиком на плечах, улыбнулась, мол, заметит или нет. Заметил, похвалил, сказал, что к её глазам идёт этот цвет. Умолчал только, что короткая стрижка делает её похожей на подростка, и хорошо, что на ней нет той форменной, с погонами рубашки. Она была рада именно ему, его появлению в офисе. Лишь только сейчас, отсюда, Григорий понял: она ждала его. Устало и запоздало улыбнувшись своим неожиданным мыслям, он начал рассказывать Торонову о предложении Королёвой наладить полёты в Шумак.

— Так это надо к Серёге Елисееву обратиться, — заметил Торонов. — Они туда летают. Ты же его хорошо знаешь. Он, как и ты, работал за бугром, где-то в Африке.

— В Найроби, — уточнил Пряхин.

— Съезди к нему в Оёк. У него в ДОСААФе есть вертолёты. Если будет финансирование, мы можем ещё пару вертолётов на крыло поставить.

— Хорошо, — согласился Пряхин. — Съезжу.

Разговор с Елисеевым получился недолгим, но, как посчитал Пряхин, хорошим. Елисеев пообещал подготовить всю документацию, переговорить с вертолётчиками и другими специалистами, которые могли бы пригодиться для этой работы.

— Мы на Шумак летаем редко, — сказал Елисеев. — Все полёты держатся на одном: авось пронесёт! Там сейчас турбаза. Несколько вполне приличных комфортабельных домиков, столовая. В основном туда прут по горным тропам “дикари”, в прямом и переносном смысле! Они живут в зимовьях, палатках, шалашах и, естественно, после себя оставляют горы мусора. Мы договорились с директором, оттуда в мешках забираем отходы: консервные банки, пакеты, плёнку, стеклотару и прочий мусор. Вывезли уже больше пятидесяти тонн.

— На Байкале уже завалили Ольхон, — заметил Пряхин.

— А раньше какая там была чистота! Какой Господь сотворил землю, такой она там и оставалась. А что думает по этому поводу губернатор, власть?

— Им, Гриша, до этого нет дела, — усмехнулся Елисеев. — Кто и когда с нами советовался! Тот же Ольхон! Раньше туда за день выполнялось несколько рейсов. Сегодня аэродром есть, его в чистоте и опрятности содержит Прокопьев. Ты его помнишь! Но туда уже лет пятнадцать никто не летает, все туристы едут через Малое море. Часами стоят в ожидании переправы. Так вот, каждый день Прокопьев включает радиостанцию и сообщает погоду на аэродроме, кому и зачем — неизвестно. Он там, как последний самурай. Денег ему не платят, живёт подсобным хозяйством. А вот на Шумаке нет своего Прокопьева.

— Но зато там есть целебные источники, — вспомнив слова Королёвой, сказал Пряхин.

— Поздно пить боржоми, — усмехнувшись, сказал Елисеев. — Здесь нужна не прихоть отдельного человека, а государственная программа.

Пряхин был согласен с Елисеевым. Но он догадывался, Жанна Андреевна ждала от него иного. Для неё было важно понять, как быстро и наименее затратно наладить полёты на Шумак.

Вечером Пряхин позвонил Наталье Владимировне в Москву. Она обрадовалась звонку, сообщила, что Королёва сейчас с сыном отдыхает в Испании, но сразу же после отпуска собирается поехать к мужу на Байкал. Затем сказала, что Арсений Петрович интересовался, когда Пряхин прилетит в Москву.

— Дудко привык, что все у него должны быть под рукой, — сказала она. — А то нас здесь бумагами завалили, сплошная переписка.

Пряхин догадался, что его опять хотят использовать как сочинителя приветственных и прочих адресов.

— Наталья Владимировна, может быть, вы в курсе, Арсений Петрович прочёл мой, вернее не мой, а правленный сценарий?

— Григорий Ильич, он прочитал, — уже другим и, как показалось Пряхину, поскучившим голосом ответила Наталья Владимировна и, кашлянув, замолчала.

— И что? — поинтересовался Пряхин, уже поняв, каким будет ответ.

— Сказал, что вы не Бергман.

— Это высокая оценка! — засмеялся Пряхин. — Называется, осудил овин баню. К тому же Арсений Петрович должен помнить, что в “резею” у меня фамилия не Бергман.

— Да вы не обращайтесь внимания, — начала успокаивать Наталья Владимировна. — Все знают — Дудко не Пряхин. А я без вас скучаю. Жду, когда вы прилетите и расскажете, как провели время на Байкале.

На другой день Пряхин с Карлом полетел на Шумак. Григорий знал, что туда с инспекционной поездкой собрался и Королёв. К присевшему за городом на поляну вертолёту, сигналив во все дудки, прибыл губернаторский эс-корт — вереница чёрных никелированных джипов. Эрик Петрович вышел из машины, пожал руки гостям. Командир вертолёта доложил о готовности к полёту. Королёв был одет по-походному: в пятнистые десантные брюки и кожаную лётную куртку. Затем подъехала другая придворная челядь — операторы, журналисты из пресс-службы губернатора, группа актёров народной драмы, которые должны были показать немецкому гостю сибирских казаков-землепроходцев. Все, подлаживаясь под вкусы руководителя края, натянули на свои животы и плечи военную униформу — ни дать, ни взять на Шумак отправлялась группа захвата.

Пряхин заметил рыжеволосую крашеную блондинку — руководительницу пресс-службы губернатора, рядом с ней — ещё одну молодую особу. Стройная, высокая, в сером костюме, серой джинсовой куртке, с короткой спортивной стрижкой. Поверх куртки — длинный чёрный, повязанный вокруг шеи шарф, концы которого свободно спадали на грудь.

Она с любопытством поглядывала на попутчиков, держалась независимо, стараясь не выделяться и не привлекать к себе повышенного внимания. Но мужской губернаторский спецназ начал расшаркиваться перед ней: о, да надо было одеться потеплее, на горах, говорят, уже лежит снег, а вдруг придётся заночевать. Тут же нашлись те, кто был готов поделиться своей одеждой.

— А вы раньше летали? — начали интересоваться другие.

— Нет, вы посмотрите, закукарекали! — засмеялся губернатор. — Сообщаю для глухих: Вера Романовна первый раз летит на вертолёт. И прошу не приставать. Пожалуетса — будете иметь дело со мной.

— Вера Романовна Сугатова, — оказавшись рядом, представилась она Пряхину. — Вы из Москвы?

— Не совсем так, но из Москвы, — подтвердил Пряхин. — Судя по всему, здесь, в основном, летят москвичи.

— Я из Нукутска, — сказала Сугатова

— Уже теплее, — улыбнулся Пряхин. — Губернатор делает правильные шаги.

— На то он и губернатор, — засмеялась Сугатова. — Мне сказали, что вы раньше летали?

— Было дело, — улыбнулся Пряхин. — И даже пытался полетать здесь.

— Можно, я сяду рядом? — неожиданно попросила Сугатова. — С вами мне будет спокойнее.

— Не возражаю.

Пряхин начал размышлять, кто успел сообщить Сугатовой о его прошлой работе. И пришёл к выводу: когда подавали губернатору список пассажиров, то те, кому это положено, позаботились, чтобы в нём не было случайных людей. Поглядывая на Сугатову, Григорий решил, что руководителя пресс-службы губернатор взял для освещения предстоящего мероприятия, а вот Веру Романовну, скорее всего, чтобы порадовать глаз. Но в своих предположениях ошибся: уже во время полёта он выяснил, что Сугатова, оказывается, работает в протокольной службе губернатора. Все честь по чести — не придерёшься.

Поднатужившись, вертолёт оторвался от земли и взял курс в горы. Под застеклённую пилотскую кабину напоззала тайга, все прильнули к иллюминаторам. У Пряхина сжалось, заняло сердце. Он мог бы сейчас сидеть в пилотском кресле и вести вертолёт, но не судьба! Сиди и смотри, как твою работу исполняют другие.

Через несколько минут винтокрылая машина втиснулась в узкое ущелье, острозубые гольцы поползли вверх и уперлись в облачность. Немного погода полёт уже напоминал езду в тоннеле. Под ними петляла река, на откосах были видны озёра, а сверху, обрезав острые вершины, лежала плотная облачность. Но вертолёт, снизившись, упорно шёл вперёд, уже над самой водой. Губернатор встал в проход и наблюдал за работой пилотов — своё дело они знали. Сюда, в Тункинские Альпы, они летали не раз и трассу изучили досконально. Когда облака прижали вертолёт к самой воде, Пряхин заволновался, он поднялся с пассажирского кресла, чтобы глянуть в лобовое стекло. Но вертолёт уже замедлил ход и начал целиться на каменистую отмель, там, где из речных окатышей был выложен огромный круг. Их уже ждали.

К открывшейся двери вертолёта надвигалась многоликая орда. Впереди шёл прибывший в Шумак на лошадях и одетый по случаю в национальный праздничный синий бархатный халат крупный, с большим животом, бурят — местный дарга. Он церемонно поприветствовал гостей традиционными для бурят словами:

— Сайн байна!

Губернатора и Румшеля угостили молоком из пиалы, надели на них атласные халаты и повязали на шею белые шёлковые шарфы-хадаки. Обменявшись подарками, хозяйка повели гостей по урочищу.

Из деревянного дацана к ним вышел огромного роста бурят и простодушно начал объяснять, что здесь обитает главный Бог района. Пряхин улыбнулся наивности буряты, поскольку “Главный владыка” не только этого урочища, но и всего Прибайкалья стоял, теребя висевший у него на шее белый шёлковый платок, поглядывая глубоко спрятанными медвежьими глазками, видимо, не зная, как ему поступить: передать хадак шефу протокола или оставить на месте.

Тут же, перед дацаном была сложена побелённая известкой кирпичная печь. Из трубы вился слабый дымок. Вокруг печи в фиолетовом халате ходил лама и, не обращая внимания на прилетевших, напевал одну и ту же фразу:

— Ом мани падмэ хум! Ом мани падмэ хум!

— Огонь очищает душу человека, — начал объяснять гостям огромный бурят, — а лама вызывает к Будде. Он поёт, что Вселенная дарует процветание и изобилие тем, кто принимает их с открытым сердцем.

На дереве рядом с дацаном был прикреплён деревянный щит, на котором кириллицей были нанесены правила и поучения Будды для тех, кто решил выйти на путь просветления:

— Трудно бедному быть щедрым, — прочёл Пряхин. — Трудно власть имущему не употребить свою власть для достижения своих целей. Трудно не рассердиться, когда тебя оскорбляют. Трудно спорить о правильном и неправильном.

Дарга рассказал губернатору о всех достоинствах Шумака, не забывая пожаловаться на недостаток средств для развития урочища. Тот с любопытством поглядывал по сторонам, он был приятно удивлён встречей и бурятским гостеприимством. Когда лама закончил свою службу, гости, ведомые всё тем же даргой, перебрались через висячий мостик. На другом берегу,

среди сосен, на поляне их уже ждал шаман с бубном. На груди у него висели круглые железные и медные амулеты, чёрные когти медведя, старинные монеты. На голову была надета отороченная лисьим мехом островерхая шапка. Завидев гостей, шаман начал прыгать вокруг разведённого костра и бить в бубен, призывая почтить души ушедших предков.

Потом у часовенки для гостей уже пели песню про Ермака казаки. Пели хорошо, с чувством:

*Шумит тайга, седая вековая,
Течёт Иртыш, могучая река!
И не померкла слава боевая,
И не забыто имя Ермака.
Иван четвёртый — государь Московский —
Возликовал от радости душой,
И Ермака за тот поход геройский
Он наградил кольчугой золотой
За то, что он Кучума пересилил
И государю послужил, как мог,
И приросла Россияшка Сибирью,
И раздалась Россия на Восток.*

Припев песни уже подтягивали хором все, кто прилетел и кто оказался на этом импровизированном концерте:

*И пусть проходят годы и века —
Мы не забудем подвиг Ермака!*

После концерта губернатора повели вдоль реки, мимо сотен маленьких, сложенных из плоских каменной-окатышей тонких пирамид. В грязевых ваннах, не обращая внимания на высоких, упавших буквально с неба гостей, лежали отдыхающие. На берегу, обмазав себя жирной лечебной грязью, толпились “папуасы”, а рядом, помахивая хвостами, бродили лошади.

Тут же стояли раскрашенные в синие и красные тона деревянные идолы.

Прямо от горной речки отдыхающими был сооружён водоотвод. Бегущий поток крутил деревянные мельницы, крылатых лебедей, поднимал и опускал игрушечные перегородки, переворачивал лопатки всевозможных гидросооружений. Вдоль тропы на крупных булыжниках виднелись надписи, утверждающие, что “Коля и Оля были здесь”. Горячие источники обозначались каменными и деревянными знаками. На некоторых раскрашенных камнях были нанесены китайские иероглифы. Карл Румпель трудился не покладая рук и не жалея ног. С немецкой дотошностью он расспрашивал Пряхина, тербил бурята, губернатора, Сугатову, чтобы они на камеру сказали, что это за камень и о чём говорят иероглифы. Надолго задержался около кладбища костылей. Пряхин объяснил, что сюда, на Шумак, многие прилетают на костылях, а обратно уезжают на своих двоих.

Вскоре утомлённые гости собрались в столовой, где им был приготовлен обед. Губернатору, как самому почётному гостю, предложили варёную баранью голову, Карлу — убуун, баранью грудинку. Пряхин отметил, что и здесь на столе было выставлено немецкое пиво. Он посоветовал Румпелю отведать приготовленные бурятские молочные пенки — урмэ.

— Зер гут! — отведав пенки, поднял большой палец Румпель.

На десерт подали сваренные в котле лапы медведя, с острой приправой. Видимо, варили их долго, мясо успело остыть и превратилось в холодец. Но под водку пошла и медвежатина.

За столом Эрик Петрович произнёс речь в честь немецкого гостя и сообщил, что достигнута договоренность о прямом рейсе из Мюнхена в этот край вечно синего неба.

— Что, будут летать прямо сюда? — вытаращив глаза, спросил глава района.

— Сюда будет прямой рейс на вертолётах, — ответил губернатор. — Скоро вы не узнаете Шумак. Здесь будет курорт европейского уровня. Заведём охотничье хозяйство, огорожим источники металлической сеткой, чтоб лошади не бродили. Зарубежные гости смогут здесь не только полечиться, но и поохотиться, порыбачить и подышать нашим саянским воздухом. И как это в песне: “И приросла Россияшка Сибирью. // И раздалась Россия на восток”. Будем укореняться и здесь, в этих диких местах.

Было видно, что он доволен оказанным гостеприимством и ему захотелось ответно порадовать приятной вестью хозяев.

На обеде шаман исполнил для присутствующих песню: “Кочевник, степь и небо”.

— *Природа, Бог — одно и то же, — помогая себе руками, пел шаман, — Кругом орлы, пасущие отары. И стрекот дикой саранчи. И посвист суслика степного впитал в себя сей горизонт. И склоны снежных гор.*

Уже в конце долгого, как бурятская степь, напевного монолога он с какой-то обречённостью в голосе выдохнул: “И где теперь аймак районом стал, и Ельцин этот путь нам указал”.

Пряхин не стал уточнять у шамана, про какой путь вспомнил вдруг он, должно быть, песня была написана давно, и ничего нового в ней не появилось. Вожди указывают, отары бредут, куда им укажет пастух. Пряхин вспомнил Кешу, его рассказ про оркестр в Потсдаме и пожалел, что его нет здесь, на Шумаке.

Вспоминая о своей поездке на охоту, Румпель сказал Пряхину, что обязательно сделает о Намоконове фильм.

— Думаю, Кеша не будет возражать, — улыбнулся Пряхин.

Румпель молча и недоверчиво посмотрел на Пряхина. И та лёгкость, с которой Григорий решил за Кешу, улетучилась. О таких вещах говорить за другого было легковесно и несерьёзно. С присущей немцам педантичностью и дотошностью Карл, должно быть, привык больше доверять подписанному договору, а не брошенным походя словам. Всё-таки Румпель имел не только немецкие корни, но и большой отрезок жизни, который он провёл в России, где от сказанного обещания до конечного результата — дистанция огромного размера.

— Майн фройнд, должно быть, вы знаете, что в природе не существует частицы “не”, — неожиданно сказал Румпель. — И многие не понимают её значения. Говорят: “Я желаю тебе не болеть!” Уберите частицу, что получится?

— А как, по-вашему, надо?

— Желаю быть здоровым. Ещё вы любите огораживать свою территорию, — продолжил Карл. — Даже после смерти. Я понимаю, заборы и ограды, кирпичные стены достались от прошлого. Но они в обычной жизни мало полезны. Например, Берлинская стена. У немца ограда или черта в голове. Он не пересечёт её и не поедет на красный свет. У вас же это сплошь и рядом.

— И что из того? Что, после падения Берлинской стены вы стали жить лучше?

— Мы вновь стали единым народом.

— Поделенным на три сорта, — сказал Пряхин. — Первый — западные немцы. Второй — восточные. И третий — приехавшие из России.

— Но это быстро рассасывается, сглаживается.

— И мы меняемся, — подытожил Пряхин.

— Я, я! Всё течёт, все меняется, — согласился Румпель.

Всё хорошее когда-нибудь заканчивается: гости начали собираться в обратный путь. Пока гуляли и обедали, облачность приподнялась и показала зубатые каменные глыбы, кое-где уже прикрытые снегом высокие кльки Тункинских Альп. Вдоль ущелья потянул холодный, порывистый ветер. Пряхин знал: при таком ветре в этой узкой трубе взлетать будет непросто. Он вспомнил Гэсэра — мифического героя бурятского народа, который, как и Христос,

спустился на землю. Ему так полюбилась земная жизнь, что он не вернулся обратно на небеса.

“Он-то не вернулся, а нам лететь. И хорошо, что погода не заперла нас в этом урочище”, — подумал Григорий, поглядывая на заснеженные гольцы. Прав был Елисейев: летать на Шумак было сложно и, скорее всего, регулярные рейсы сюда будут ещё нескоро.

По пути к вертолёту губернатор напевал полюбившуюся ему казачью песню:

*И пусть проходят годы и века —
Мы не забудем подвиг Ермака!*

— Как говорил Кант: “Две вещи поражают моё воображение, — сказал Румпель, обращаясь к губернатору, когда они садились в вертолёт, — звёздное небо над головой и нравственный закон во мне”. Я бы добавил ещё — и русское гостеприимство.

— Дорогой Карл, хочешь, я возьму тебя с собой в тайгу на берлогу, — расплылся в улыбке губернатор. — Пощекочешь нервы.

— О нет, нет! — воскликнул Карл. — Я — пацифист.

— Хорошо, тогда я тебе подарю шкуру медведя.

— Гималайского?

— Будет тебе и гималайского, — покровительственно похлопал по плечу Румпеля губернатор.

— Эрик Петрович, я бы хотела поехать с вами на охоту, — попросилась стоявшая рядом с губернатором Сугатова. — Я сегодня пролетела на вертолёте, получила огромное удовольствие. Мне захотелось посмотреть медвежью охоту. Особенно, когда слушаю рассказы охотника Иннокентия Намоконова.

— Не женское это дело, — ответил Королёв. — Тайга требует к себе особого внимания.

— Эрик Петрович, французы говорят: “Чего хочет женщина, того хочет Бог”, — сказал кто-то из сопровождающих. — Женщины тоже требуют к себе особого внимания.

— А кто против? — засмеялся губернатор. — Бог хочет одного, женщина — другого.

— Мы будем делать фильм о губернаторе и его таёжном спецназе, — сказал Румпель. — И, конечно же, о Шумаке. Европа уже забыла, что здесь ещё остались дух и потомки Чингисхана.

— “Те, кто сидят в юрте, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника”, — говорил Чингисхан. Тот и другая бесследно исчезают. Мы себе этого не позволим. Можешь считать, что договорились, — сказал Королёв Румпелю. — Деньги на фильм найдём.

“Осталась ещё в нас лёгкость, с которой мы даём обещания. И себе, и за других”, — вспомнив разговор с Карлом, хотел сказать Пряхин, но вовремя прикусил язык. Сейчас его откровенность ни немцу, цитирующему Канта, ни тем более губернатору была не нужна. Румпелю хорошо, а это именно то, о чём его просила Жанна Андреевна, когда послала сопровождать Карла. Конечно же, Эрик Петрович вспомнил Пряхина, но делал вид, что того неприятного разговора у них не было. И, скорее всего, причиной тому была охранная грамота, которую выдала ему Королёва.

К новому году Елисейев переслал Пряхину документацию, списки необходимого лётного и технического состава. К ним он передал все финансовые расчёты. Каким-то образом о создании авиакомпании узнал Дудко и пригласил к себе Пряхина.

— Вот что, уважаемый Григорий Ильич, — поглядывая на Пряхина ничего не выражающими водянистыми глазами, непривычным для него вкрадчивым голосом начал Арсений Петрович. — Я вдруг, совершенно случайно узнаю, что вы, являясь сотрудником киностудии, на казённые деньги путешествуете по Саянам.

— Арсений Петрович, я летал туда по вашему распоряжению и, кажется, уставов студии не нарушал, — стараясь держать ровный тон, ответил Пряхин. — И, честно говоря, даже рассчитывал, что вы отправите на Шумак приветственный адрес. Там было всё начальство, был губернатор.

— Да, я знаю, — помолчав немного, сказал Дудко. — Но не надо прикрываться губернатором. В таких делах нужно иметь трезвую голову.

— Лётчиков всегда перед вылетом проверяли доктора, в том числе и на трезвость.

— Хорошо, хорошо. Что тут скажешь. Но почему не написали отчет о поездке? Есть порядок, его нельзя нарушать.

— Если надо, я напишу, — пожал плечами Пряхин.

— Сделайте, пожалуйста, и передайте его Наталье Владимировне.

— Хорошо, будет сделано, — пообещал Пряхин.

— Ну, а кратенько, как там себя чувствует Эрик Петрович? Румпель в восторге от поездки. Губернатор его очаровал. И кто такой Намоконов? Только о нём и слышно.

— Герой войны. Снайпер. На его личном счету около четырёхсот фрицев.

— Что, до сих пор живой?

— Да что вы! Умер. Давно. Если вы имеете в виду Иннокентия, то это его дальний родственник.

— Надо бы с ним разобраться, — ответил Дудко. — Не дай Бог немец узнает, кого он собрался снимать.

— Внука героя войны.

— Это для вас он герой. А для немцев? Ничего, как-нибудь разберёмся! Жду ваш отчёт и конкретные предложения по фильму.

— Сделаем, — ответил Пряхин. — Был бы толк.

— Будет, — уверенно заявил Дудко. — Нам надо привлечь серьёзных инвесторов, составить бизнес-план. Я здесь кое-что набросал и даже уже кое с кем переговорил.

— Можно ознакомиться? — попросил Пряхин.

— Зачем? Скажу одно, там, — Дудко показал на потолок, — серьёзно заинтересовались люди, у которых есть деньги.

— Ясно, — протянул Пряхин. — Моё дело писать адреса.

— Не совсем. Я прочёл ваш сценарий. Пришлось кое-что поправить. Дадут деньги — будем снимать.

— Разрешите идти! — пристукнув каблуками, сказал Пряхин.

— Пожалуйста, — каким-то вялым, ватным голосом ответил Дудко. — Но учтите, — Арсений Петрович поднял вверх палец, — в бизнесе друзей и покровителей нет. Есть партнёры, с ними надо советоваться.

— Я могу быть свободен?

— Пока что да!

Наталья Владимировна быстрым взглядом посмотрела на вышедшего от Дудко Пряхина, попыталась ободряюще улыбнуться, но мгновенно поняла, что разговора не получилось, и тогда она, кивнув глазами на закрывшуюся дверь, сморщила нос и по-детски махнула перед собой ладошками, мол, не надо огорчаться, всё обойдётся.

Григорий улыбнулся, показывая, что понимает и разделяет её чувства. Надевая куртку, он посмотрел на мишкину мордашу, ему почудилось, что козопаный прощается с ним.

Через некоторое время Королёва пригласила Пряхина к себе. Она протянула ему папку, сказав, что ознакомилась с расчётами, и попросила, чтобы Григорий сделал свои предложения по бизнес-плану.

— Жанна Андреевна, я постараюсь сделать это как можно быстрее. — Пряхин сделал паузу, ему не хотелось затевать разговор о том, неприятном, о чём они говорили с Дудко. Королёва всё поняла.

— Договорились, — сказала она. — Я не люблю, когда кто-то вмешивается в мои дела. Не пойму, чего ему не хватает? Боится не успеть или прозевать, — поморщившись, добавила она. — И, вздохнув, улыбнулась: — Григорий Ильич, да вы не расстраивайтесь. Сейчас всё равно зима, туристы, что медведи в берлогах, — спят. К весне должно многое проясниться и сложиться. Губернатор двумя руками за этот проект, но просил подождать.

В начале мая Наталья Владимировна спустилась в монтажную и сказала Пряхину, что Арсений Петрович поручил передать, чтобы Григорий на выходные съездил на аэродром в Тушино. Она сообщила, что там при поддержке и покровительстве Королёва депутатское объединение “Авиация и космонавтика” ко дню Победы будет проводить фестиваль “Крылья России”.

— Надо написать о празднике и переслать материал в Нукутск, — добавила она.

— Хорошо, я съезжу, — сказал Пряхин.

— Говорят, будут известные исполнители, прыжки с парашютом, полёты на каких-то планерах, — сказала она. И тут же совсем по-детски попросила: — А можно мне поехать с вами?

— Я даже не мечтал побывать на этом аэродроме, — засмеялся Пряхин. — Рассказывают, что там принимал парады Сталин. Давайте примем парад и мы.

— А ещё там располагался лагерь Тушинский вор — так прозвали Лжедмитрия современники, — добавила Наталья Владимировна.

— Вот так-то! — удивился Пряхин. — Историческое место.

— Так я же заканчивала исторический факультет. И одно время преподавала историю, — засмеялась Наталья Владимировна.

— Тем приятнее сходить туда вместе с вами. Значит, завтра в десять, метро Тушинская.

— Я живу недалеко. В пяти минутах, — торопливо ответила Наталья Владимировна. — И, если можно, называйте меня Натальей, Наташей, как вам будет удобно. Мне кажется, до Владимировны я ещё не доросла.

— Договорились, — быстро согласился Пряхин. — Если позволите, то буду вас называть Натальей Любимовой.

И тут же сам покраснел от сказанного. “Уж лучше бы промолчал!” — выругал он себя. Но по Натальиному лицу он понял, что она услышала и по-своему оценила его шутку.

— Хорошо, пусть будет так, — просто и весело согласилась она.

Утром он не сразу узнал её среди вывалившейся из вагонов толпы. Светлая, весенняя, во всём белом, брюки в обтяжку, лёгкая шёлковая кофточка, которая не прятала, а наоборот — подчёркивала её фигурку, через плечо — коричневая кожаная сумка, в руках — летний зонтик от солнца.

Пряхин даже застыл — она ли это?

Да, это была она, подошла и сама, не спрашивая на то разрешения, поцеловала его в щёку. Здесь, среди множества совсем незнакомых людей, они почувствовали себя близкими людьми, как бы выброшенными на необитаемый остров. Так же, не спрашивая, она по-хозяйски, точно делала это уже не в первый раз, взяла его под руку, и он, уже повинувшись неожиданному и приятному чувству, пошёл за ней туда, куда шли все, — к выходу.

— Королёва вместе с Румнелем улетела в Нукутск, — сообщила Наталья. — А то она бы обязательно была здесь. Эрик Петрович является спонсором этого мероприятия.

День выдался на загляденье тёплый, тихий, солнечный. Они прошли через установленные на входе металлоискатели и очутились на лётном поле.

Перед самым входом на лётное поле Пряхин увидел бьющих в барабаны одетых в оранжево-жёлтые с бордовыми складками одежды тибетских монахов. Головы у них были выбриты, рубашки были без рукавов.

— Мне в Непале рассказывали, что монахи обладают удивительными способностями, — сказал Пряхин. — Например, они могут при помощи своего тела высушивать холодные мокрые простыни, одежду, без всяких видимых усилий подниматься в воздух и многое другое. Всё, что мы считаем существующим в реальности, они объясняют сознанием. Ещё они утверждают, что вселенная имеет не только материальную, но и духовную природу.

— Ну и что! Вот Христос накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, — сказала Наталья. — А после ходил по водам.

— Так это же Иисус Христос! Но, как сказано в Евангелии, “Бесполезно быть с Христом тому, кто не принял к нему верой”.

Наталья Владимировна удивлённо глянула на Григория.

— Был у меня случай. Садилась мы в Старой Юхте, — начал рассказывать Пряхин. — На посадке вертолёт поднял снег, и я потерял пространственное положение. Могло все закончиться плохо, но тут Господь оставил на земле для меня травинку. И она спасла нас. Потом мы всем экипажем сходили в церковь и поставили свечи. Даже Цырен Цыренович, мой бортмеханик. А он из этих, — Пряхин кивнул на сидящих музыкантов. — Кажется, даже не крещёный.

— Посмотри, посмотри на их руки! — неожиданно сказала она. — Мне они напоминают движения многорукого Шивы.

— Это у них отработано. Машут, как лопастями, — засмеялся Пряхин.

Миновав монахов, они прошли мимо ряженого медведя, который раздавал прохожим рекламные буклеты. Из автобуса вышли и пошли строем курсанты авиационного училища. По всей вероятности, они должны были участвовать в праздничной программе. Пряхин пожалел, что его родное Кременчугское училище находилось теперь в другой стране.

На лётном поле одиноко, с ободранным хвостом стоял Ил-14, рядом с ним в высокой траве притулился вертолёт. Чуть поодаль Ан-26 — всё, что осталось от некогда знаменитого аэродрома Тушино, ставшего не менее знаменитой концертной площадкой первопрестольной. Вокруг сцены уже сидели на траве многочисленные зрители. Играла музыка, тут же готовились к выступлениям артисты, дымили шашлычные, разворачивали свои торговые палатки продавцы.

Пряхин с Натальей Владимировной походили по полю, затем взяли кофе и присели под огромный красный зонтик. Пахло весной, свежей травой и пьянящим запахом распутившейся черёмухи. Григорий вспомнил, как Наталья сказала, что здесь, в Тушино, на этом поле несколько веков назад табором стоял Самозванец. Сюда к нему стекались недовольные Шуйским казаки, подходили отряды поляков. Сигизмунд мечтал надеть на голову своего сына Владислава корону русских царей. А незадолго до этого казачья ватага под командой Ермака уже пересекла Каменный пояс и, преодолевая сопротивление хана Кучума, под парусами и вёслами, без мобильных телефонов и компасов по сибирским рекам пошла навстречу солнцу, отстраивая по пути остроги и зимовья. В жизни ничего не бывает лишнего и случайного. Здесь, посреди каменных улиц и домов, как сотню лет назад, оставался заросший травой кусок нетронутого поля. Здесь, как тысячу лет назад, цвели одуванчики, каждую весну пробивались на свет чертополох, подорожник, клевер и татарник. Григорий уже знал, что очень скоро на этой низине построят каменные дома и тушинский аймак станет очередным районом, и станут здесь табором не вольные, свободные казаки, а такие же, как и он, понаехавшие в Москву люди, которые с удовольствием загонят себя в бетонные клетки, сядут к телевизорам, компьютерам и будут требовать от властей хлеба и зрелищ. Закон спроса и предложения никто не отменял и не отменит. Зрелище должно быть наполнено, его будут откусывать, как пирожное, и потягивать, как пиво. И какое дело всем до величайшей Смуты, поразившей в самое сердце русскую государственность. И уже новая поросль будет ходить по магазинам, больницам, ругаться в очередях, хаять существующие порядки и хранить в своих карманах связки ключей от всех замков и дверей, от самих себя. Что изменилось за эти столетия? Вместо живых коней стоят на привязи у подъездов лакированные, воняющие бензином железные кони. И попробуй притронься к ним — хозяева будут биться за них, не жалея своих сил. Пряхин улыбнулся. Слава Богу, что рядом с ним сидит не Марина Мнишек, а Наталья Владимировна. И пришли они сюда, на это поле, на своих двоих. Глядя на неё, Григорий размышлял, для чего и зачем они здесь на этом поле? Если в этом мире нет ничего случайного, значит надо принять то, что происходит или произойдёт с той неизбежностью и повторяемостью, которая происходит в нашей жизни, что придаёт смысл всему, что происходит и происходит вокруг него, да и в нём самом. Он смотрел на её лицо, на полураскрытые подвижные губы. Говорят, что женщину выдают губы, глаза можно закрыть очками, губы не закроешь. У Натальи они жили своей

жизнью, расплывались в улыбке, когда она ловила взгляд Пряхина, вытягивались вперёд, как у ребёнка, когда мимо них строем проходили курсанты и раскрывались лепестком, обнажая белые зубы, когда она, задрав голову, смотрела вверх, наблюдая, как над полем, высматривая добычу, делая плавные круги, парил копчик. Он высматривал добычу, зная, что там, где собирается много людей, будет чем поживиться.

— Скоро это поле обнесут забором, — сказала Наталья. — Говорят, здесь построят стадион и новый микрорайон.

— Уже и тайгу обносят изгородью, — ответил Пряхин.

— И ничего не останется тем, кто будет после нас, — вздохнула Наталья.

Пряхин вспомнил свою прежнюю лётную жизнь. Она пролетела в один миг, без светофоров, толчеи в метро, автомобильных пробок, бетона, асфальта, указателей на перекрёстках, без аптек и афиш... Лопасты над головой отсчитывая секунды, складывали их в часы и недели, и тогда казалось — нет им износа. Но всё закончилось, быстро и неожиданно. И в той жизни не было ряженых, всё было настоящим — и медведи, и люди. И был в ней ещё особый смысл, без которого он не находил себе места и применения в белокаменной, куда стремятся тысячи и тысячи людей со всей России.

Вскоре над аэродромом загредел металлический командный голос ведущего, и праздник начался.

Откуда-то сбоку донёсся звук приближающегося самолёта. Пряхин отыскал тёмно-зелёный крестообразный профиль Ан-2, от которого вскоре начали отделяться крохотные точки.

— Смотри, смотри! — громко крикнул он. — Парашютисты!

Стремительно падающие тёмные точки выкинули разноцветные купола и начали свой неторопливый кругообразный ход по синему небу.

А через полчаса, уже с взлётной поля, в небо поднялся парашютист.

Быстро допив кофе, они пошли к тому месту, откуда взлетело это чудное, летающее на капроновом парашютном крыле приспособление. Сделав круг над Тушино, парашютист приземлился неподалёку от них. Григорий с Натальей подошли к планеристу, и тут Пряхина ждала приятная неожиданность; пилотом на парашюте оказался сын Цырена Цыреновича Торонова — Веллингтон. И он узнал Пряхина, протянул руку.

— Григорий Ильич, вот так встреча! Не ожидал!

— И я не ожидал, — удивлённо протянул Пряхин. — Но мне твой батя Цырен Цыренович про тебя рассказывал. Говорил, что ты чемпион и летаешь по всему миру.

— Какой там, — махнул рукой Торонов. — Но несколько раз довелось. Вот что! Пока не слетаете со мной, я вас не отпускаю, — сказал Веллингтон, поглядывая почему-то на Наталью.

— Я согласна, — тут же ответила она.

— Ну, ты поперёд батьки на небо не лезь, — наставительно сказал Пряхин. — Сколько стоит такая прогулка?

— Я вас, командир, подниму бесплатно, — ответил Веллингтон.

И вот, после короткого разбега, Пряхин уже сверху смотрел на крошечные дома Москвы, на запруженные автомобилями дороги, на ровную зелень парков, на стальной блеск реки Сходни. Под ногами качалась бездна, Веллингтон кренил парашютист, делал крутые развороты, ветер рвал волосы, тугий воздух бил в лицо, норовил залезть под куртку, лизнуть грудь — всё было, как и при полёте на вертолёт, но не было защитной оболочки. Приземлились они по-самолётному, пробежали немного по траве и остановились. Купол погас и обессиленно свалился на землю.

— С крещением! — сказал Веллингтон.

— А теперь моя очередь! — сказала подбежавшая к ним Наталья. — Я хочу понять, как поднимаются над землей тибетские монахи.

Григорий не ожидал от неё такой смелости и настойчивости. Уже вдвоём с Тороновым они привязали её к креслу. Наталья Владимировна молча смотрела на Григория, бледная и сосредоточенная, видимо, читала про себя молитву. Веллингтон уселся в своё пилотское кресло, которое располагалось прямо за спиной Натальи, но чуть выше.

Вновь за спиной у Веллингтона загудел вентилятор, пробежав по полю, парашютист поднял на тросах парашют и, оторвавшись от земли, понёс Наталью Владимировну от Пряхина куда-то в небеса. И только тут Пряхин разглядел, что на аэродром надвигается гроза. Чернея своим вислым брюхом, она, увеличиваясь на глазах, быстро ползла в сторону Тушино. Пряхин с тревогой начал следить за куполом парашюта, углядывая под ним висевшую белую фигурку, она, как живая капля, по огромной дуге отклонялась то в одну, то в другую сторону. Сделав пологий пролёт прямо перед чёрной пастью грозы, Торонов со снижением начал заходить на посадку. Приземлилась Наталья все такая же бледная, но счастливая. Григорий помог ей отстегнуть ремни, она, неожиданно для него, бросилась к Веллингтону, расцеловала его, затем обернулась к Пряхину.

— Я слетала! — только и смогла вымолвить она. — Я смогла!

— Все, сегодня шабаш, — сказал Торонов складывая своё нехитрое хозяйство. — А вам посоветую бежать в укрытие. Сейчас ударит такой дождь, Боже упаси!

— Кажется, действительно, на сегодня всё, праздник заканчивается, — согласился Пряхин.

Он увидел, что продавцы быстро сворачивают палатки, а все зрители толпой бегут к выходу с аэродрома, стараясь до дождя успеть спрятаться в метро. Пряхин схватил Наталью за руку, и они бросились за бегущими с аэродрома людьми. Бежали быстро, но не успели. Внезапно сверху без всякой подготовки на них будто вылили воду из ведра. Хорошо, что Наталья взяла с собой зонтик. Но и он не помог, укрыться или даже спрятаться под ним двоим на бегу было невозможно. Попасть в метро тоже оказалось не просто, толпа лезла к дверям буквально через головы.

— Вот что, Григорий Ильич, прошу за мной! — неожиданноскомандовала Наталья. — В метро не обсохнешь. А воспаление схватить можно.

— А может, куда-нибудь в кафе? — закрутил головой Пряхин.

— Там не сушат, — засмеялась Наталья. — Там людей шелушат.

Она не договорила и, схватив за руку, потянула его прочь от входа в метро. И они побежали через мутные потоки по весенним лужам, уже не выбирая дороги; тому, кто промок до нитки, вода уже не помеха. Пряхин чувствовал, как к коленям липнут промокшие брюки и бухает прямо у горла сердце. Давненько он так не бежал. Давненько!

Жила она действительно недалеко. Они забежали в подъезд, поднялись на третий этаж. Наталья Владимировна достала из сумочки связку ключей, открыла дверь.

— Вот здесь я живу. Вернее, снимаю комнату, — сказала Наталья, сбрасывая мокрые туфли.

— Сколько берет? — поинтересовался Пряхин, оглядывая комнату.

— Ой, не спрашивайте! Но по московским меркам недорого. Жанна Андреевна мне приплачивает. Так что жить можно. Быстро раздевайтесь. А я поставлю чай. — И, улыбнувшись, добавила: — Ну, чего раздумываете? Это тибетские монахи могут сушить одежду своим телом. А мы ещё не научились.

Пряхин зашёл в ванную, присел на краешек стиральной машины. Ещё полчаса назад он не мог себе представить, что окажется здесь, в этой крохотной ванной, и будет смотреть на себя в чужое зеркало. И чувствовать за спиной свисающие с вешалки махровые полотенца. Даже по этим вещам можно было составить представление о привычках человека, обладающего ими. Наталья была аккуратна, на полочке под зеркалом стояли флаконы с дезодорантами, зубными щетками, духами, одеколонами, массажными щетками и другими дамскими принадлежностями. Здесь витал особый запах, присущий только женщинам, это был мир, который приоткрывают самым близким людям.

За дверью раздался голос Натальи Владимировны:

— Григорий Ильич, возьмите полотенце. И халат. Извините, но у меня нет мужского.

Пряхин открыл защёлку, в образовавшуюся щель влезло белое полотенце и зелёный махровый халат.

Пряхин взял полотенце, разделся и, включив кран, стал под душ.

— Григорий Ильич, выходите, — вновь напомнила о себе Наталья. — Теперь моя очередь.

— Лечу, лечу! — откашлялся Пряхин.

— Я включила чайник.

Выходя из ванной, Григорий в узком коридорчике натолкнулся на ожидающую Наталью и ненароком, как медведь, коснулся её груди. Она испуганно снизу вверх глянула на него, он извиняюще улыбнулся, показывая, мол, не виноват, скорее всего, виноваты проектировщики, которые слепили такие узкие коридоры, в них не разойтись, не разъехаться. Она, вздохнув, моргнула глазами, поправила мокрые от дождя волосы и сделала движение в полуоткрытую дверь. И вновь натолкнулась на Пряхина, он, неожиданно для самого себя, преградил ей дорогу, ему уже не хотелось все сваливать на строителей — полёт в кабине вертолёта под оболочкой обеспечивает определённую защищённость, на парашуте же все было напрямую с природой, и от неё, как известно, не уйдёшь. Он, запустив пальцы в мокрые волосы, положил руку ей на плечо и потянул к себе. Она закрыла глаза и, выгнувшись всем телом, мягкими податливыми губами ответно потянулась к Григорию. На кухне, пытаясь остановить их, засвистел чайник. Но им было не до него. Вновь, как и на лётном поле, над головой щёлкнул, но уже не раскрывшийся парашют, а обыкновенный коридорный выключатель...

На другой день, по дороге на работу, Пряхин купил букет подснежников. Прежде чем спуститься в монтажку, он зашёл в приёмную к Наталье Владимировне и протянул ей цветы. Она как-то странно посмотрела на него, на цветы, и вдруг по её щекам побежали слёзы.

— Что? Что произошло? — быстро спросил Григорий.

— Только что по телевизору сообщили, что под Нукутском на вертолёте разбился Королёв, — прикрыв лицо рукой, ответила Наталья.

— Не может быть! — выдохнул Пряхин. — Возможно, ошибка!

— Нет, — сквозь слёзы тихо ответила Наталья. — Жанна Андреевна позвонила рано утром. Она там, уехала на праздники.

Пряхин тут же из приёмной позвонил Цырену Торонову. Тот уже знал о катастрофе, сказал, что вертолёт разбился ночью, пытаясь взлететь с подобранной площадки.

— Они охотились на медведя, — сообщил Торонов. — Мишка лапой провёл по брюху вертолёта.

— Какой лапой, по какому брюху! — не понял Пряхин.

— Медведь оказался сороковым.

— Каким, каким?

— Роковым. Так говорят.

— Ты перестань нести ахинею! — крикнул Пряхин. — Говори дело!

— А дело всё в том, командир, что наши власти наложили в штаны. Выворачиваются и врут. На всех каналах утверждают, что был плановый облёт территории. Сначала завалили мишку, а потом решили отгартать на базу. Но на лебёдке, ты помнишь, можно поднять не больше двух человек. Это сто шестьдесят кило. Туша могла потянуть на все четыреста.

— Если бы её потащили на подвеске и, допустим, она зацепилась за сухостой, то её можно было сбросить, — начал лихорадочно соображать Пряхин. — С лебёдки не сбросишь”.

— Летающий с губернатором шеф-пилот раньше вообще не летал на этом типе, — добавил Торонов. — Насколько мне известно, до этого он служил у вояк. Потом его, как и многих, отправили в отстой.

Пряхин мысленно начал перебирать, кто ещё мог быть в вертолёте с губернатором. Кеша? Сугатова? Румпель? Может, кто-то ещё из знакомых? Для кого медведь оказался сороковым? Уж точно не для губернатора. Скорее всего, для такого дела наняли или уговорили опытного охотника. Возможно, что им оказался родственник Цырена — Бато Торонов.

И неожиданно Григорий встретился с глазами Натальи. Она смотрела на него теми же глазами, как и та больная, к которой они прилетали по сани-

тарному заданию на вертолёт. Смотрела с той надеждой и верой в чудо, с какой вглядываются в лица взрослых дети; а вдруг то, о чём говорили по телевизору, неправда, просто какое-то недоразумение, и он, Пряхин, скажет об этом, поскольку только что говорил с верным человеком и узнал от него те подробности, которые могут дать хоть какую-то надежду.

— Какая-то мистика, — откашлявшись и отводя глаза, сказал Григорий. — Сороковой — роковой!

Из кабинета вышел растерянный Дудко.

— Слышали, какая беда! Вот это кино! Как же они так неосторожно...

Пряхин молчал.

— Машиной управлял первоклассный лётчик. Я вас спрашиваю. Вы же профессионал. Как такое могло случиться?

— Лучший врач — практикующий врач, — хмуро ответил Пряхин. Его покоробил тон, каким пытался заговорить с ним Арсений Петрович. — Лучший лётчик тот, который каждый день поднимается в воздух. Всё будет хорошо, если у него над душой не стоит командующий, шеф протокола или другой чиновник.

— Вы имеете в виду смоленскую трагедию?

— Не только! Лебеда, сахалинского губернатора, охотников на снежных баранов на Алтае. Бараны были не только в горах, но и в кабинах вертолётов.

— Вы здесь не занимайтесь демагогией, — фальцетом выкрикнул Дудко. — Здесь нужны факты!

— Факты, вон они! — Пряхин ткнул пальцем в телевизор.

— Чего вы мне тычете! — перебил его Дудко. — Я вас спрашиваю, прежде всего, как специалиста.

— В таких делах я не специалист. Я не был в кабине. Для вертолётчика работа с губернатором была не повседневной, а разовой. Слетал туда-сюда, и жди следующего раза. Я слышал, недавно в Нукутск привезли канадскую машину. Компактная, удобная игрушка. Это не привычная “восьмёрка”, на которой летал шеф-пилот губернатора. Он попробовал машину и ничего необычного в ней не нашёл. И, взяв на борт губернатора, полетел в тайгу. Охотоведы выследили медведя и ждали главного охотника. Остальных деталей я не знаю. Сейчас, как это бывает, сами погибшие не могут ни опровергнуть, ни подтвердить, что на самом деле произошло.

— Там произошёл теракт!

— Как только что вы сказали, нужны факты, — заметил Пряхин. — Они у вас есть?

— Всё, можете быть свободны, — махнул рукой Дудко. — Теперь мы все будем свободны.

Через некоторое время после похорон Королёва попросила Пряхина о встрече. Григорий поразился перемене, произошедшей с Жанной Андреевны: опухшее лицо, под глазами — тёмные круги. Пряхин понял — она была потрясена, и любое неосторожное слово, догадка могли больно ранить её.

— Все мне врут! — плача, начала она. — Все, абсолютно все! Кого ни спрошу, что же там произошло, прячут глаза. Бормочут: “Не повезло, ошибка пилота, человеческий фактор”. А ещё день назад многие мечтали прилипнуть, поехать с ним на охоту, сесть в один вертолёт, а потом — по всем коридорам: “Губернатор — мой кореш”! Скажите, а может, всё-таки был теракт? — неожиданно спросила Королёва.

— Кому он мешал?

— Он мешал многим. Своим положением, характером: он стал закручивать гайки.

— Это ещё не повод.

— Сейчас убивают за бутылку водки, — махнула рукой Королёва.

Пряхин решил не говорить то, что думает на самом деле. Он понимал, что в таком состоянии она не способна воспринимать сказанное.

— Вы знаете, полёт с ВИП-персоной — особый случай, — мягко сказал он. — Бывало, мы меж собой говорили: полёт с начальством на борту —

это всё равно, что полёт под наркозом. Бывало, сидишь, смотришь на приборы, а в них вместо стрелок видишь важное и часто надушенное, строгое лицо. Попробуй тут, собери стрелки в кучу.

— Какую кучу? — переспросила Королёва.

— Да это я не для вас. Для себя, — вздохнув, ответил Пряхин. — Куча мала, спать не дала. Да!

— Понятно. В переводе на русский, смотришь в книгу, видишь фигу, — Королёва вытерла платком слёзы и спокойным, отстранённым голосом сказала:

— Ребята-охотоведы, которые остались на земле, сказали, что перед тем, как сесть в вертолёт, он нарвал букет подснежников. Хотел меня порадовать. Вот, порадовал.

Пряхин вспомнил, как Кеша Намоконов говорил, что в приёмной Королёва, где всегда толпился народ, губернатор без очереди принимал его — Намоконова.

— Я приносил и показывал ему новые патроны, рассказывал, где обнаружил берлоги и лёжки изюбрей, — хвастал Кеша. “Вот уж действительно: охота пуще неволи”, — думал Пряхин, пытаясь понять и решить для себя, что бы сделал он, очутившись в кабине того вертолёта. А ведь такое могло произойти. Но в дело вмешался случай, и фамилия у того случая была вполне определённой — Дудко.

— Что он сделал плохого? — спросила Королёва.

“Ничего плохого он не сделал. Но и хорошего не успел, — подумал Пряхин. — Он прибыл в Нукутск, как на сафари”. Конечно, губернатор пытался вникнуть в дела и заботы края, много ездил, встречался с людьми, но, чтобы адаптироваться, вжиться, нужно было время. К сожалению, судьба ему такой возможности не дала. Ушел сам и вместе с собой забрал ещё троих, хотя первоначально сообщалось о пяти погибших. За пятого пассажира, скорее всего, приняли обгоревшую тушу медведя, которую приехавшие спасатели пытались оттащить в сторону.

Пряхин хотел было повторить Королёвой то, что когда-то говорил на телевидении Анне Шнайдер. Но зачем? Жанна Андреевна слышала это, но ничего не запомнила. К чему помнить то, что произошло с другими? Зачем ей знать и напоминать о том, что говорил и делал генерал Лебедь? Григорий мог бы вспомнить, как на охоте за горными архарами на Алтае погиб ещё один “краснокнижный” охотник из Москвы. Желая угодить ВИП-персоне, командир вертолёта посадил на место второго пилота женщину. Следствием было установлено, что во время стрельбы по баранам вертолёт лопастью зацепил склон. У тех, кто по долгу службы расследовал это происшествие, не нашлось слов в оправдание; экипажем было нарушено всё, что только можно было нарушить.

Но вряд ли Королёва сейчас могла это услышать. Любую боль лечит время. Слова, даже самые правдивые, — слабое лекарство. Что толку звать к глядящим с необъяснимой высоты звёздам, напоминать о нравственном законе, который, по словам Канта и Румпеля, есть и должен быть в каждом из нас. Большая и Малая Медведицы ничего подсказать не могли, но они видели и знают, что было и что будет дальше.